

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ЗАПИСКИ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Известный российский путешественник и исследователь животного мира тайги Камиль Фарухшинович Зиганшин является автором интереснейших книг о диких животных и романов о русских старовеках. Ряд его произведений публиковался на страницах нашего журнала. Некоторое время назад он в составе экспедиции Русского географического общества, осуществляя проект исследования супервулканов “Огненный пояс Земли”, совершил путешествие по Северной и Южной Америке, пройдя оба американских континента с севера (от Аляски) до крайнего юга (Огненной Земли). Записки об этой необычайной экспедиции, несомненно, вызовут пристальный интерес наших читателей.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

ЧЕРЕЗ ОГНЕННЫЙ ПОЯС

1. От Аляски до Огненной Земли

Прежде чем приступить к своему повествованию, поясню, с какой целью Русское географическое общество организовало экспедицию “Огненный пояс Земли”.

Первопричиной явился угрожающий рост вулканической активности и объективная реальность извержения супервулканов с чудовищными последствиями для всего живого на Земле. Супервулканы – это самая грозная стихийная сила на нашей планете. Они имеют огромные размеры и мощь, в десять тысяч раз превосходящую силу извержения обычного вулкана. Взрыв супервулкана (именно взрыв, а не извержение) влечёт катастрофические изменения условий жизни на нашей планете.

Последняя подобная глобальная катастрофа случилась в Тобе на Суматре 75 тысяч лет назад. Миллиарды кубических метров пепла попали в атмосферу, и солнечные лучи долго ещё не могли пробить эту толщу. Произошло длительное глобальное понижение температуры на 19–21 градусов. В результате этого в разы сократилась численность животных, а часть видов вообще вымерла. Не меньшие потери понёс и растительный мир.

В отличие от обычных вулканов, имеющих форму конуса, супервулканы представляют собой огромные ложбины или понижения в земной коре, называемые кальдерами. При классическом извержении лава поднимается по жерлу и, заполнив кратер, изливается наружу. В супервулканах же магма заперта в гигантских подземных резервуарах. Скапливаясь в них, она начинает давить на земную кору. Это продолжается в течение сотен тысяч лет. Когда

давление достигает критической отметки, происходит взрыв чудовищной силы, в результате которого гибнут целые континенты. Таких спящих “монстров” на Земле несколько, и один из самых “созревших” находится в Йеллоустонском парке в США. В настоящее время “резервуар” под его кальдерой заполняется магмой с угрожающей скоростью. Поскольку период между взрывами этого монстра находится в интервале 600–700 тысяч лет, а последнее извержение произошло 640 тысяч лет назад, Земля живёт в преддверии очередного катаклизма, в котором неизбежно погибнет большая часть человечества.

Идея обследования вулканов Тихоокеанского пояса – самого беспокойного на нашей планете, – была выдвинута краснодарским геоморфологом, опытным путешественником, чемпионом России по спортивному туризму Константином Мержовым. Ему и выделили грант для выполнения программы, рассчитанной на 900 дней. Она предусматривала обследование семидесяти вулканов, разбросанных по витиеватой окружности побережья Америки. Протяжённость маршрута оценивалась в 70 тысяч километров.

Среди основных целей экспедиции выделю три: научная – получить одномоментный срез состояния вулканов Тихоокеанского пояса, оценить степень их активности; спортивная – совершить первое в истории непрерывное кругосветное путешествие по меридиану Земли, используя самые разные средства передвижения: снегоходы с санями, лыжи, автомобиль, велосипеды, катамаран и... свои ноги. Наконец – медицинская цель – наблюдение за изменениями физического и психического состояния в малочисленной группе людей при длительных нагрузках.

Не могу не рассказать об участниках экспедиции, моих верных друзьях. О Константине Мержове (ему 44 года) я уже говорил, а вот рачительному заводу и обаятельному балагуру Алексею Казаченко исполнилось всего 25 лет. Не знающему ни минуты отдыха хронометристу, красавцу с лучезарной, располагающей с первого взгляда, улыбкой Николаю Коваленко тоже 25 лет. Редчайшему, несмотря на его молодость, специалисту в области медицины Андрею Колодкину тоже 25, а похожему на былинного богатыря заведующему снаряжением Илье Семёнову – 24 года. И единственный очкарик в экспедиции, молодящийся пенсионер с писательскими наклонностями – автор этих строк!

2. Парадоксы Аляски

В общей сложности 20 часов мы провели в воздухе, добираясь с пересадками в Атланте и Солт-Лейк-сити до Анкориджа на Аляске – конечной точке перелёта, и Анкоридж порадовал нас звёздным небом и привычным для россиян двадцатиградусным морозом, согретым теплом дружеских объятий соотечественников – Виктора Семёнова и Василия Данилюка. Они помогли загрузить багаж в машину и повезли сквозь чернильную тьму безлунной ночи в гостиницу.

С утра отправились в турне по магазинам закупать провиант, снегоходы и недостающее снаряжение. Анкоридж представляет собой одно-двухэтажный блин, широко размазанный по пойме реки Матануска, с несколькими торчащими небоскрёбами из стекла и бетона посередке. Его с трёх сторон подпирают пилообразные отроги гор, а с четвёртой (с запада) ограничивает залив Кука. Численность населения – 300 тысяч человек, но пешеходов на улицах почти нет – все на колёсах. Как правило, на грузопассажирских внедорожниках “Форд”, “Шевроле”, “Тойота” немислимых размеров и с полуметровым дорожным просветом. На некоторых установлены подвесные ножи для очистки пути от снега. Получается вездеход в квадрате! Легковых машин средней величины мало, а малагабаритные – вообще в диковинку. Не любят американцы их.

Дороги и тротуары в Анкоридже, несмотря на обилие снега, чисто выскоблены. Ходить и ездить по ним одно удовольствие. Удивило то, что для пешеходов зелёный горит всего 6–8 секунд. Но, надо отдать должное водителям, ни один из них не тронется, пока пешеход не освободит проезд.

Поразило, что местные жители, невзирая на мороз, одеваются довольно легкомысленно: трикотажная курточка, непокрытая голова. Одна крупногабаритная тётя прошествовала мимо нас в тоненькой кофточке, в короткой юбке

и со штиблетами на босу ногу. Нос посинел, а она улыбается, – похоже, ей хорошо. Наша команда, облачённая в пуховики, рассчитанные на пятидесятиградусный мороз, вызвала у местных снисходительные улыбки.

Русских здесь довольно много. Жизнь у них складывается по-разному. Кто-то вписался в американскую систему и счастлив. Кто-то только и думает, как бы поднакопить деньжат и вернуться на родину.

Порт в Анкоридже занимает огромную территорию. Разделённые проездами площадки заставлены тысячами ярко окрашенных контейнеров. Мимо них то и дело проползают длиннющие эшелоны с сырой нефтью. Тянут их от побережья Северного Ледовитого океана, сотрясая окрестности чудовищными гудками, сразу четыре жёлтых локомотива: иначе им не одолеть многочисленные горные перевалы.

А вот продукты в Америке отвратительные – нужных нам тушёнки, сухарей, круп и т. п. в магазинах не было. Всё какие-то суррогаты в красивой упаковке. А привезти с собой провиант мы не могли – на американской таможене всё съестное конфискуют. Неприятно удивил хлеб – он тут вообще никакой: ни запаха, ни вкуса. Жуёшь какую-то пресную, вязкую, по вкусу похожую на бумагу, массу.

23 февраля, перед утренней пробежкой, Костя поздравил нас с Днём Советской армии и Военно-морского флота. По этому случаю распили четверть яблочного сока (кстати, это один из немногих американских продуктов, не вызвавший нареканий). Наш ежедневный тренировочный маршрут охватывает периметр порта с выходом на смотровую площадку возле устья реки Матануска. Поскольку уровень воды в заливе за зиму упал метра на два, припай вдоль берега обвалился, образовав непроходимые, смёрзшиеся валы. Мимо них с шорохом ползти непрерывной лентой льдины. Стало понятно, отчего у причалов нет судов, – залив плотно забит этим подвижным крошевом. Открытые окна воды просматриваются лишь на выходе из залива Кука, километрах в пяти от порта. Проплывающий лёд довольно грязный. Видимо, из-за городских стоков.

На севере проступает нечёткая громада Аляскинского хребта. Перед ним тянутся кряжи пониже. Их заснеженные пики, тронутые первыми лучами солнца, на глазах разгорались нежным пурпуром.

... Чем больше общаемся с сопровождающими нас русскими, тем откровенней они становятся в своих высказываниях об американском образе жизни. И к нам постепенно приходит понимание, что не всё тут так радужно, как показалось вначале. Из их слов следовало, что, да, здесь красиво, удобно, но вся система настроена на то, чтобы человек непрерывно вертелся, работал на пределе, лишь только расслабился – эта система выбрасывает его на обочину. В последние годы многие разорились, особенно те, кто набрал кредиты. А уж если заболел, то это катастрофа для семейного бюджета.

... Каждый, кто прожил на Аляске более года, может приобрести лицензию на отстрел одного лося и двух оленей-карибу. В ней указано, где и в какие сроки можно охотиться. Кроме того, даётся разрешение (пермит) на ловлю красной рыбы (здесь её называют сэлман, кинг-сэлман, сэлман-рэд, сэлман-сильвер) – 15 голов на главу семейства и по 10 на каждого члена семьи. Нарушения правил охоты редки – штрафы и сроки за незаконный отстрел или отлов токовы, что на всю жизнь отбивают желание браконьерить. К примеру, за лося год тюрьмы гарантирован.

Для эскимосов, алеутов и индейцев промысловые нормы ещё выше. Белые американцы как бы искупают свою вину за уничтожение большей части коренного населения при захвате самых лучших земель в период колонизации. В этом “деле” их англоязычные предки были ненасытны и чрезвычайно жестоки.

Недаром, когда прославленный вождь индейцев Сидящий Бык, выступая в сенате США, заявил: “Белые люди не выполнили ни одного договора, заключённого с индейцами”, никто не смог его опровергнуть.

На Аляске любой взрослый может, как и во времена колонизации, разгуливать по улицам с кольтом или револьвером на бедре. Не разрешается заходить с оружием только в общественные учреждения. Наш знакомый Василий Данилюк как-то открыл свой оружейный сейф – так там оказался целый арсенал нарезных карабинов, пистолетов и боеприпасов к ним. Видно, без этого в Америке не проживёшь!

И болеть в Америке не стоит – цены на медицинские услуги просто умопомрачительные. Одни сутки в больнице стоят 5500 долларов в Анкоридже. Кого-то выручает страховка, но не все имеют возможность оплачивать её (в месяц надо платить порядка 400 долларов за взрослого и 200 за ребёнка) Понятие декретных денег вообще не существует, как и самого декретного отпуска – женщина работает до последнего дня и за роды придётся заплатить 15–16 тысяч долларов! Максимум, на что идёт администрация, – предоставляет роженице недельный неоплачиваемый отпуск. А через неделю после родов – пожалуйста на работу!.. В то же время поражает трогательное внимание к инвалидам и старикам. Вот такие парадоксы!

Американцы с детства приучены к повиновению закону поистине драконовскими мерами. Законодательство так устроено, что даже за незначительный проступок можешь угодить за решётку лет на десять. И хотя в тюрьмах условия содержания хорошие, терять свободу никому не хочется. Ещё американцы приучены информировать полицию о любых нарушениях или подозрительных ситуациях. Если, например, к соседу приехали незнакомые люди на крутой тачке, то кто-нибудь обязательно запишет номер, сфотографирует и сообщит дежурному. Это у них один из способов борьбы с нарушением законов (в первую очередь с сокрытием доходов). Всё, что говоришь, американцы воспринимают буквально. Если скажете, что мёд в России вырабатывают из снега, а по московским улицам ездят сани, запряжённые белыми медведями, то, скорей всего, вам поверят. В общем, шутить с ними опасно, ибо можете оказаться в неприятной ситуации.

Живущие здесь наши соотечественники очень переживают, болеют за Россию и радуются каждой позитивной информации с далёкой родины. Все-го в США проживает около двух миллионов русских. Тут надо пояснить – русскими американцы называют не только этнических русских и жителей России, но и всех, кто приехал из стран бывшего СССР. На Аляске к русским относятся заметно лучше, чем в других штатах (видимо, действует историческая память).

В самом Анкоридже сейчас проживает 10 тысяч россиян. Многие полицейские владеют минимальным словарным запасом для общения с ними. Вообще интерес к России на Аляске большой. В двух школах даже изучают русский язык. Меня, почитателя староверов, в особенности порадовало то, что в этом штате здравствует немало староверческих общин. Некоторые существуют ещё со времён царствования Екатерины Великой. Больше всего их на островах.

... Наконец нашли два подходящих, способных выдержать многокилометровую гонку через горы и заваленную снегом тайгу, снегохода “Скидо Арктик” мощностью по 150 л. с. Они хоть и бывшие в употреблении, но заводятся и тянут как новые.

Завтра установим на санях дышла, полозья, прикрепим к снегоходам фаркопы, погрузимся, и после обеда в путь! Настроение сразу изменилось. Все повеселели, охвачены предстартовым возбуждением. Так происходит всякий раз, когда собираешься в незнакомый край, а сейчас особенно, потому как край этот – волнующая воображение россиянина Аляска. Да, чуть не забыл, – утром Анкоридж очередной раз потрянуло сильное землетрясение. Да так, что стёкла испуганно задрезбужали. Огненный пояс не дремлет!

3. К Юкону!

Утром под наблюдением трёх лосей, стоящих на краю подступающей прямо к дому Василия Данилюка тайги, загрузили на широкую платформу снегохода и сани. Расселись по машинам и поехали к озеру Биг-Лэйк. По обочинам ещё несколько раз видели сохатых, флегматично обкусывающих кончики веток.

Съехав на лёд, прицепили к снегоходам сани, загрузили в них снаряжение, провиант, канистры с бензином и помчались по укатанному собачьими упряжками тракту между высоких стен густого, по большей части хвойного, леса в глубь замороженной насквозь Аляски. Провожатые махали вслед шапками до тех пор, пока наш караван не скрылся за деревьями. В такие минуты радостное ожидание – что там впереди? – всегда немного омрачается грустью от расставания с людьми, ставшими почти родными.

... Чем ближе к Полярному кругу, тем глубже снежный покров. Особенно глубок он в распадах и котловинах — намело ветрами. На водоразделе его заметно меньше. Наверное, поэтому по гребням увалов так много парнокопытных. Как-то, выворачивая из-за туполобого утёса, чуть не врезались в лосиху. Увязая по брюхо в рассыпчатом снегу, она едва успела освободить дорогу. Тяжело дыша, повернула голову и посмотрела на нас с укоризной: мол, поосторожней, ребята!

Село Руби, вытянувшееся на правом берегу реки Юкон, оказалось довольно большим и благоустроенным. Население смешанное. Преобладают алеуты и эскимосы (они по большей части полнотелы, медлительны), есть и индейцы атабаски и тлингиты (эти художавы, резковаты и менее дружелюбны, к тому же многие пьют).

Здесь, наконец, заправили под завязку и баки, и канистры. Мы, а в особенности водители снежных мустангов, были счастливы. Чтобы не искушать себя соблазном заночевать в тепле обустроенной “жилухи”, Костя сразу поддал газу, и мы помчались по обрывистому берегу мимо занесённых снегом домов. Лагерь разбили у высокого скалистого мыса, обрамлённого острокопечными елями. Солнце скрылось как раз тот в момент, когда мы натянули палатки. Но обугленный горизонт ещё долго тлел в огне заката.

Закованный в лёд Юкон, беспрепятственно собирая приитоки, продолжал раздаваться вширь. Горы отступили, их очертания смягчились. Там, где река прорезала очередную холмистую грядку, скалистые берега вздымались на 100–120 метров. С последней сглаженной цепи открылась унылая панорама: покрытая снегом пустыня, оживляемая одинокими монахинями-ёлочками, обнажёнными лиственницами, тонконогими берёзками. Все они какие-то сутулые и корявые. Растут, бедные, заваливаясь в разные стороны, с трудом удерживаясь корнями за мягкую, сейчас заиндевевшую, моховую подушку. Но не будь этих отважных первопроходцев, некому было бы готовить почву для наступления высокоствольных лесов.

Снега всё глубже. Лоси уже еле ходят — проваливаются по грудь. Сделают несколько шагов и останавливаются, чтобы отдышаться.

Нескогда добрались до “перекрёстка”: места соединения северной и южной веток тракта. Объединившись в одну, он покидает долину Юкона и устремляется напрямик к Тихому океану. Лес практически исчез. Если и встречается, то небольшими куртинками. Совершенно лысые, накрытые белыми холстинами, кряжи кажутся безжизненными, но строчки и ямистые траншеи выдают присутствие зверей: зайцев, горных баранов, песцов, овцебыков. Есть даже сохатые. Правда, непонятно, чем они тут питаются.

От мороза и резкого ветра, сбивающего дыхание, из глаз постоянно текут слёзы. Они замерзают на усах, бороде, стягивают рот. меховая опушка капюшона, брови, ресницы сплошь в искристом куржаке.

Достигнув морского побережья и проехав вдоль него километров шестьдесят, встали на ночёвку. Не успели обустроиться, как при ясном небе на нас с гор обрушилась клубящимся валом пурга. Она словно караулила нашу группу — нагринула сразу, как только освободили от снега площадку и принялись разворачивать палатки.

Ужин готовили внутри палатки, подпирая спинами рвущиеся от яростных порывов капроновые скаты. От заправленной бензином горелки в палатке вскоре стало трудно дышать. Приходилось периодически приоткрывать полог и запускать свежий воздух, сдобренный вихрями снега.

Разбушевавшийся буран то выл голодным волком, то по-разбойничьи свистел, то стонал, как раненый медведь. Ночь тянулась бесконечно... В голове каждого крутились тревожные мысли, невольно проигрывались худшие варианты. Но к утру ветер выдохся, подутих. С трудом пробившись наружу, принялись откапывать палатки, — из снега торчали одни оранжевые макушки. К счастью, обещанный сорокаградусный мороз миновал эти места. Наш метеоролог Николай Коваленко, ежедневно фиксируя всевозможные метеопараметры портативной метеостанцией, ни разу не зафиксировал температуру ниже 32 градусов. Сегодня — минус 21. Сказывается близость океана. В континентальной части всегда значительно холодней. Ветер при порывах достигал 25 метров в секунду и пронизывал до костей.

4. На земле золотоискателей – в краю северного сияния

База первых золотоискателей – Ном, по северным меркам довольно большой посёлок. Своим появлением он обязан золотой лихорадке, охватившей Аляску, точнее – полуостров Сьюарда, в самом конце XIX века, когда в ручье Энвил-Крик шведы обнаружили несколько золотых самородков. Золотоносный полуостров назван в честь Уильяма Генри Сьюарда – госсекретаря США при Аврааме Линкольне и позже. Именно этот деятель сумел ловко облапошить правительство Российской империи и приобрести для США Аляску за 7,2 млн долларов (то есть территорию в 1 518 800 кв. километров по цене 4,94 доллара за кв. километр – невиданная в истории человечества воровская сделка!). А после обнаружения здесь золота эта полоса арктической пустыни (ближайшее дерево находится в 120 км южнее) ожила. Именно тогда число жителей было рекордным – 20 тысяч человек. Новое рождение, точнее сказать – возрождение, последовало во времена Второй мировой войны, когда через Ном шла по ленд-лизу в Советский Союз военная техника, в основном самолёты.

По уровню развития инфраструктуры (одних церквей одиннадцать, заправок станций – три), количеству домов Ном смело можно назвать городом. Тем более что численность населения в настоящее время перевалила за пять тысяч. Здесь даже есть свой памятник – собаке хаски. Возле центральной гостиницы стоит “Столб Мира”? на нём указатели: “Лондон – 4376 миль”, “Россия – 164 мили”...

Тут нам сразу улыбнулась удача, или, как говорят старатели, подвалил фарт. Первый встреченный нами житель городка оказался эскимосом, сносно говорящим по-русски. Звали его Ила (почти Илья). Узнав, что мы совершаем кругосветное путешествие и завтра отправляемся на мыс Принца Уэльского, он стал уговаривать Костю переночевать в его доме – хоть и на полу, но в тепле. Ему очень хотелось пообщаться с русскими из загадочной России. Командор, видя, как загорелись надеждой наши глаза, смилостивился: отступил от железного правила ночевать только в палатках. Пока ехали к дому Илы, навстречу попало человек шесть. Почти все шли шатающейся походкой. Увидев нас, они выкрикивали какие-то непонятные приветствия. Мы вопросительно поглядели на Илу.

– Пьяные! Есть такая проблема, – качает он головой. – Зато у нас нет преступности, и вы можете спокойно спать с открытой дверью.

Войдя в дом, мы, к разочарованию любознательного эскимоса, не раздеваясь, повалились на расстеленные пенки, – настолько вымотались. На прозвучавший через час клич дежурившего Кости: “Подъём! Ужин готов!” – никто, кроме Лёхи и хозяина, не отреагировал.

До посёлка Уэйлс добирались, несмотря на безупречно ровный накат по всей трассе, почти двое суток. Самый западный населённый пункт Северной и Южной Америки встретил нас лаем собак и улыбками розовощёкой ребятни. В их карих глазах сквозило жадное любопытство. Удивило количество детей на дороге. Потом сообщили – детвора шла из школы.

Посёлок представляет собой одну улицу с тремя десятками одноэтажных строений, в которых проживает 156 эскимосов. Дома на метровых сваях. Стены, обращённые к Берингову проливу, заложены до крыши снежными блоками. Здесь нет иных укрытий от стихии? кроме длинных и низких домов. Условно для жизни из-за сложных погодных условий здесь очень тяжёлые, но ни у кого из них и мысли нет покинуть этот голый, скалистый, открытый всем ветрам мыс. Живут эскимосы охотой на моржей, белых медведей, рыбалкой. В межсезонье ловят сетками, привязанными к концам длинных шестов, морских птиц прямо на лету.

Из дома напротив вышли две женщины. Шагали, слегка раскачиваясь и весело чему-то смеясь. На ногах белые меховые унты, из-под отороченного капюшона выбиваются длинные, цвета воронова крыла волосы. Увидев нас, они замолкли и прошли, насторожённо поглядывая. Эта перемена красноречивей слов свидетельствовала о том, что мало они видели от белых поступков, вызывающих уважение и доверие.

Когда мы прощались с водителем, к нам подбежал молодой эскимос и, повторяя одну и ту же фразу, стал тыкать в сторону двухэтажного здания. Оказывается, хозяин этого внушительного строения американец Дэн (он здесь единственный белый – все остальные эскимосы, правда, утратившие язык

предков) выкупил этот полуостров и теперь собирает с каждого приезжего дань – 100 долларов. Развивая свой экзотический бизнес-проект, землевладелец построил гостиницу и сдаёт одно койко-место за 100 долларов за каждую ночь. Наше появление сулило Дэну хорошие барыши, но Костя, чтобы не платить, приказал разбить лагерь прямо на льду Берингова пролива, между заваленных снегом торосов. До захода солнца оставалось ещё часа два. Мы не удержались – полезли на самую высокую точку мыса Принца Уэльского: гранитного горба, являющегося частью доледникового сухопутного перешейка, соединявшего Аляску с Чукоткой, Северную Америку с Азией.

Залитый нежной позолотой заката оледеневший снежный покров, звонко похрустывая под ногами, с каждым шагом истончался. Ближе к макушке он вообще исчез – сдуло ветрами, иссушило солнцем. Каменные струпья покрывала лишь льдистая корка. Чтобы не упасть, последние метры шли, поддерживая друг друга.

Вершина мыса отмечена туром, сложенным из угловатого плитняка и торчащим из него небольшим крестом из двух дощечек, – совсем уж скромно для столь знакового географического объекта. Как-никак – самая западная точка Америки!

На нашем мысе Дежнева – самой восточной точке евразийского материка – всё немало солидной: шестнадцатиметровая четырёхгранная башня с бронзовым бюстом Семёна Дежнева и чугунной плитой “Семён Иванович Дежнев, 1605–1672”, рядом лиственный крест.

Закатный свет, разливаясь по западной части небесного свода, попутно окрашивал пурпуром торосистые льды Берингова пролива, возвышающиеся вдаль над ними американский остров Малый Диомид (самая западная точка Северной Америки) и российский Большой Диомид (самая восточная точка Азии). Их разделяет узкий пролив шириной 1200 метров, по которому кроме государственной границы проходит линия перемены даты. Чуть дальше проступает сквозь синеватую дымку мыс Дежнева (ширина пролива – 86 км). Воздух заполняли мельчайшие кристаллики льда. Они летали, кружились, вспыхивая розовыми блёстками в прощальных лучах завершившего трудовую вахту светила. И величественная тишина царила вокруг.

Перед сном вышли полюбоваться уже ночной панорамой – когда ещё бываешь на этом краешке земли! На чёрном небосводе густо мерцали ярко начищенные звёзды. Медовая, растущая луна, поскитавшись между ними, убежала за горизонт, догонять подружку. Сразу стало темно – хоть глаз выколи. Зато из открывшихся тайников высыпала уйма новых звёзд. Следом по искристому бархату пробежал бледный сноп света, и почти сразу заиграли зеленовато-сиреневые сполохи, похожие на складки гигантского занавеса, покачиваемого ветром. Его извивы то сходились, то расходились, разгораясь всё ярче и ярче. Эти волнообразные колебания сопровождались идущими из неведомых глубин шорохами и свистом переменной тональности. Когда сполохи охватили половину свода, они внезапно погасли, и небо опять стало угольно-искристым, но через непродолжительную паузу вновь радужно заиграло причудливо закрученными лентами и вьющимися языками холодного пламени. Не успели мы налюбоваться этой феерией, как небо погасло. Через минутку, на этот раз совсем ненадолго, оно озарилось бьющими из тьмы серебристыми зарницами и потухло. Но мы ещё долго стояли среди наступившего безмолвия под впечатлением незабываемого представления, имя которому северное сияние!

В Анкоридж вернулись на самолёте. Путь, который на снегоходах героически преодолевали шесть дней, на самолёте занял меньше двух часов.

5. Там русский дух! – В гостях у русских староверов

10 марта при активном содействии Ильи Иванова удачно, всего за 2000 долларов, купили семиместный заднеприводный автомобиль “Сафари”, выпущенный компанией “Дженерал Моторс” в 1997 году. Ребята из автосервиса провели ревизию и определили, какие запчасти потребуются для восстановительного ремонта. Они же взяли доставить их за сутки.

Чтобы сэкономить финансы, ремонт решено было делать своими силами в любезно предоставленном Ильёй Ивановым тёплом гараже. Поскольку

драндулету уже 14 лет, он проржавел настолько, что ребятам то и дело приходилось прибегать к помощи зубила и кувалды. Я, чтобы не мешаться, ещё с вечера сговорился с Сергеем Натёкиным ехать на поиски глухой староверческой деревни Берёзово, затаившейся вдали от основных дорог. Мне очень хотелось увидеть своими глазами, как живут на Аляске последователи огнепального протопоба Аввакума, хранящие на чужбине верность не только древнему православию, но и русской культуре вообще.

Где находится их поселение, Сергей знал приблизительно, и мы долго безуспешно плутили по глухим просёлкам. И проплутили б ещё, не заметь на лесной дороге бабуся в белом платке, рассекавшую на РАФ-4 свежевывающий снег. Коль в платке – стало быть, староверка, решил я. Дабы не смущать женщину, дождался, когда машина скроется за деревьями, и поехали, придерживаясь рассыпчатой колеи.

Через полчаса, миновав буреломный лес, увидели среди атласных русских берёз строения. У въезда в деревушку стояло длинное здание с табличкой на русском “Школа”. Тут же, у крыльца стоял и РАФ-4. Осторожно постучали в дверь. Открыла та самая “бабуся” в длиннополой юбке с множеством оборок. И вовсе не бабуся, а молодая, улыбчивая женщина – местная учительница, Антонида. Узнав, что мы из России, обрадовалась, пригласила нас в кабинет. Усадив за отдельный столик, достала розовые бумажные стаканчики, налила брусничного морсу, нарезала ломти свежиспеченного, с хрустящей корочкой, хлеба:

– Отведайте нашего кушанья! Токмо испечён.

Мы из вежливости пытались отказать, но Антонида мягко настаивала:

– Что ж вы такие стеснительные. Откушайте, а то я плохо думать буду!

На вкус хлеб отличался от привычного нам. Заметив наше удивление, она с улыбкой пояснила:

– Мы в опару молотый перец добавляем.

Когда мы собрали со стола в ладошку даже крошки, довольная Антонида повела нас в класс, общий для всех двадцати двух учеников. Вторая учительница, постарше возрастом, как раз что-то объясняла им.

Большинство детей с чисто славянской внешностью: русоволосые, со смышленными, живыми серо-голубыми глазами. У всех старинные имена: Дарья, Нил, Лукьян, Прокоп. Сидят каждый за отдельным столом, отгороженным от соседних невысокими перегородками. Учебная программа построена так, что с первого класса прививаются навыки самостоятельной работы. Учитель подключается лишь тогда, когда ребёнку что-то непонятно. Физику, химию дают поверхностно. Основной упор делается на математику, геометрию, историю, литературу, русский, правоведение. Уровень получаемых знаний у детей настолько высок, что Ульяна Фонова и Епифан Реутов в прошлом году на олимпиаде по русскому языку в США были отмечены золотой и серебряной медалями. В этой школе кроме обычных каникул не учатся ещё семь дней на Пасху.

Чтобы не отвлекать детей, я попросил учительницу познакомить меня с кем-нибудь из знатоков истории общины. Антонида вздохнула: “Ноне все мужики в море” и предложила пообщаться с дедом Ермилом – единственным из глав семейств, кто сейчас дома.

– У нас нельзя чужим в избу, ежели хозяин в отлучке. А он радый будет. Оба сына, что с ним живут, в море. Сноха с бабой Марфой к внучке поутру уехали.

К дому Ермила шли по натопанной снежной тропке, вьющейся между стоящих вразброд среди леса аккуратных домов. Деревня оказалась небольшой – девять, как сказала Антонида, “дымов”. Вид изб несколько озадачил – построены не из брёвен, а из дощаных щитов, между которых проложена теплоизоляция. Во дворах образцовый порядок, почти во всех по три-четыре ухоженные пуховые козы: для молока и пряжи.

Дед Ермил сидел в сенях на оленьей шкуре и, склонив посеребрённую голову с окладистой бородой, тесал из березовой заготовки топорище. Природа, похоже, кроила его по особому заказу: крупная, несколько тяжеловатая медвежья фигура, покатые плечи, узловатые пальцы натруженных рук.

– Здравствуй, радость моя, – силпо пробасил он учительнице.

На меня же, худосочного очкарика, только настороженно покосился. Антонида низко поклонилась и пояснила цель визита. Узнав, что я писатель,

участник российской кругосветной экспедиции, да ещё автор двух романов о староверах, удостоенных нескольких всероссийских премий, и собираю материал для третьего, старик заметен помягчел. Испытующий взор стал доброжелательным. Он, не торопясь, снял фартук, разгладил сивую, похожую на лопату бороду и пригласил в дом. Сам прошёл вперёд твёрдым, во всю ступню шагом.

Здесь уже чувствовался русский дух: три стены чисто выскоблены, “глухая” разрисована охрой — пышные цветы на фоне затейливого орнамента; неокрашенный, плотно сбитый пол отщёрт песком добела, на нём тканые дорожки; в углу над столом божница, заставленная иконами, рядом, на деревянном гвозде, лестовки. У окна ткацкий станок, прялка, тут же в берестяном коробе клубки пряжи.

Пока я оглядывал внутреннее убранство, дед Ермил надел за перегородкой белую рубаху, расшитую по краю красными нитками, затянул поясок с кистями и приставил самовар к трубе, выведенной в печной дымоход. Вскоре мы, прихлёбывая заваренный из толчёных плодов шиповника чай (мне, как я успел заметить, хозяин достал отдельно стоящую гостевую кружку), беседовали об их житье-бытье на Аляске.

— Ну, коль имеешь интерес, слушай. В этих краях мы недавно, с 83 года. Наши корни вообще-то из Тамбовской губернии, но как послабление вышло, так вся община на Дальний Восток перебралась, — землю щедро давали, до ста десятин на семью. Мой дед со всей оравой под Владивостоком надел получил. При большевиках им пришлось всё бросить и в Китай податься. Там я и родился.

— Фантастика! Я ж, дядя Ермил, тоже в тех краях двадцати лет прожил. А вы не помните, из какой деревни ваши?

— Вот это да тебе! Антонида, гляди-кась — гость-то земляк почти!

— Поистине пути Господни неисповедимы!

— Из Смирновки, недалече от Раздольного. Слыхал?

— Про Смирновку не слышал, а вот в Раздольном бывал. Мой однокурсник оттуда — ездили к его родителям в гости... А на Аляске-то как оказались?

— Ну, слушай дале. Из Китая перебрались сперва в Бразилию, опосля в Николаевск — то в штате Орегон. Там много брата с нашего стада и поныне, да простору в нём маловато. Засим сюда и уехали — здесь, на воле, жизнь в радость. Жительствуем по большей части рыбалкой. Промышляем в море-окияне за 150–200 верст отсель. Я, правда, ужо не ходок — ноги подводят. Вот столярничая, пимы из руна кому потребно катаю. За выход робята сетями до 600 пудов берут — то пока море не встанет. А ежели мороз вдарит так, что море льдом покроет, на перемёт начнут. Наживку — на крючья, а лесу сквозь лунки тянут. Рыба, слава Богу, кормит, но всё тяжельче. Сам посуды: цена на горючку за десять годов выросла с доллара до четырёх, иначе — на рыбу без перемен. А ещё за промысловую лицензию заплати, катер и каждого, кто в море ходит, страхуй. В остатке — токмо на хлеб. Но Господь милостив, покада без скудобы обретаемся.

— Ну что вы, деданя, всё про мужиков. Гость ещё подумает, что бабоньки без дела сидят, — встряла Антонида.

— Так и расскажи. Я, что ль, против?

— Да вы уж сами. Мне к детишкам пора. — Антонида встала, поклонилась и вышла.

— Что правда, то правда, домовитые оне у нас. — Опять заговорил дед, после того как за учительницей закрылась дверь. — Ткут полотна, холстины, сучат пряжу, шьют и вяжут. И чадородьем не обижены. Вот у меня три сына, две дщери. Готовят тоже оне. Трапезничаем токмо своим. Потому все крепкие, здоровые. Лишь сахар, соль, муку берём у одноверца в лавке. Она чистая. Да и туды мало ездим. Люд-то ноне в городе дичает. Иные просто в безумство впали. Не ведают, что творят! Поганят рот срамословием, табачным зельем. Блуд, как ржа, их души разъедает. Господи, упаси от сих бесовских искушений. Эх, слабнет народ... Знамо, идти вниз легче, чем наверх к Господу... Мы не курим, бражничаем токмо по великим праздникам. Брагу ставим на берёзовом соку. Одеваем всенепременно вот такие рубахи навыпуск с косым воротом и с пояском.

Тут дед Ермил, в подтверждение своих слов, встал на некоторое время во весь рост.

– Бород не бреем: Христос же с бородой!.. Бабы ходят в сарафанах, заполах. Замужние в платках, чтоб волос не казать. Девицы с косами и непокрытой головой. Американцы нас уважают за трудолюбие и честность. Но мы чужаков – людей не отеческой веры – в свою общину не допускаем.

– А если человек не вашей веры, но добрый христианин, он что, не может посвататься?

– Отчего же нет. Может, но прежде должен пройти обряд переправы, и ежели есть серьёзные намерения, испытует три года по всей строгости. А до того молодые просто “дружат”, как мы говорим – “играют”.

– Я пока шёл к вам, церкви что-то не видел.

– Оно и неудивительно. Наша церква в сосняке, отсюда не видать. Мы, мужики, ходим в неё каждый день, женский пол токмо по седмицам. Тогда воссоединяемся в общей молитве и молимся с двух часов ночи до восьми-девяти утра, покуда все шесть слав не прочтём. Ночная-то молитва доступна Богу. По правде сказать, часть канонов первоисточного православия размылась временем, но основу блюдем крепко, без перемен. С этим у нас строго.

Дед тяжело вздохнул и замолчал.

– Дядя Ермил, может, ещё что расскажете? – обратился я с надеждой.

– Погодь, – промычал он сквозь зубы. – Чтой-то колено опять ломит, мочи нет... Тепла, видать, недостаёт. Вот ведь оно, паря, студёно море как откликается...

Старик встал, прихрамывая, подошёл к большой белёной печи, отодвинул заслонку. Набил топку берёзовыми поленьями, подсунул завиток бересты и запалил огонь.

Вернувшись на место, продолжил свою неторопливую, обстоятельную речь, иногда всё же морщась от боли.

Заметив, что старик заговорил медленнее, с остановками, я понял, что пора завершать беседу. Тем более что Сергей уже заждался меня. Прежде чем проститься, достал из сумки диалог о староверах “Золото Алдана”, подписал её и вручил деду. Прочитав аннотацию к книге, он подивился:

– Как так? Татарин, а об нас написал!

– Жизнь подвела к этой теме. Ваши одноверцы в 1971 году на Сихотэ-Алине спасли нас с другом от голодной смерти. Даже пожив у них всего три дня, я понял, насколько искажено в миру представление о старообрядцах. Потом судьба подарила ещё несколько встреч с вашим братом. Многовековая преданность отеческим идеалам, трудолюбие, сметливость, терпение, позволяющее жить в достатке даже на бесплодных землях, не могла не вызвать искреннего восхищения. Со временем появилось желание поделиться своими чувствами и мыслями.

– Спаси Христос!.. Читать я люблю.

Я поклонился и направился, было к двери, как старик остановил.

– Погодь чуток, – произнёс он и скрылся за перегородкой.

Вышел весь какой-то торжественный. Протянув тёмную деревянную иконку Богородицы, он с чувством произнес:

– Возьми! То моё тебе благословение на дальнюю дорогу. Иконка сия намоленная, благоносящая. Не сумлевайся – поможет, ежели тяжко будет... Матерь Божья лучше всех оберегает от нечистой силы! – убежденно добавил он...

6. По дорогам Канады

14 марта ремонт машины был закончен, и сегодня мы покидаем гостеприимный Анкоридж. Впереди тысячи километров заснеженных гор и безлюдных лесов Аляски, Канады, вулканы и каньоны Нижних штатов Америки. Лишь в Мексике, а возможно, в Гватемале, мы надолго – до самой Огненной Земли – пересядем на велосипеды.

Провожать нас приехали все, кто помогал готовиться к дороге. За две недели мы сроднились с этими милыми, добросердечными людьми. Даже такое непродолжительное знакомство оставило неизгладимый след в наших сердцах. Интересно, отчего мы, русские, такие дружные за границей, дома живём каждый сам по себе? Видимо, дух землячества в человеке наиболее ярко проявляется, когда он оторван от Родины.

Ехали, несмотря на то, что обзор был сильно ограничен (печка не работала, и намерзающую на переднее стекло изморозь приходилось то и дело соскабливать ножом, а остатки оттаивать ладонью), довольно резво. Асфальт чистый, с бляшками льда на некоторых участках. По краю дорожного полотна косая насечка, как только наезжаешь на нее, так колёса начинают тревожно гудеть, сигнализируя водителю: “Осторожно — обочина близко!”

Приподнятое настроение вскоре было подпорчено поломкой машины — отказал бензонасос. К этому времени мы были уже в 370 километрах от Анкориджа. Пронизывающий ветер, быстро выдувал из салона остатки тепла. Чтобы не замёрзнуть, навалили в лесу сухостоин и развели у обочины костёр. Время от времени подбрасывая хворост, наслаждаемся теплом. На наше счастье, машина встала на перевальной седловине, и нам каким-то чудом удалось по сотовому связаться с Ильёй Ивановым. Через минут двадцать получаем СМС: “Нашёл в Анкоридже бензонасос за 300 долларов. Выезжаю”. Через четыре часа бесценная запчасть была у нас.

...Едем мимо бесчисленных озёр, острозубых хребтов с чуть облесёнными склонами. На высоте 700–800 метров деревья вообще исчезают, и голые скаты превращаются в готовые горнолыжные трассы — осталось лишь подьёмники установить.

Миновали мощный, весь в глубоких разломах глетчер. На выходе из ущелья его край обрывался искрящимися ступенями, высотой не менее 80 метров. Одна ледяная башня на наших глазах скололась и, постояв, слегка наклонившись, секунды три, рухнула на берег реки и рассыпалась. Почему-то сразу вспомнилась, описанная Обручевым, Земля Санникова.

...Скоро граница с Канадой. Горы, отступая к горизонту, становятся всё ниже, силуэты мягче. Чистые спокойные небеса сияют так, что вверх смотреть больно. А вон и американские пограничники показались. Машут: “Проезжай, проезжай!” Оказываются, американцы документы проверяют только при въезде в их страну. Хочешь покинуть Штаты — катись на все четыре! Подумалось, а ведь если бы не продали Аляску, здесь могла бы быть граница России... Впереди — скромная табличка “Канада”, но сам КПП появляется лишь через 27 км. На нём развеивается гордый бело-красный флаг с кленовым листом в центре.

Наш день протекает по незыблемому распорядку. В 7:00 завтрак, в 8:00 выезд. Через каждый час пути, в течение которого за рулём сидят попеременно Костя и Илья, остановка на 10 минут. Её используем для поддержания физической формы (пробежки, приседания, растяжки...). Тогда же происходит смена водителя. В 13 часов обязательный двухчасовой обеденный перерыв — и снова в путь до 18 часов. Трудовое законодательство свято блюдём — рабочий день восьмичасовой. Костя, будучи способным учеником четырёхкратного чемпиона России по спортивному туризму Николая Рундквиста, считает, что для успеха столь длительной экспедиции главное — не устраивать гонки и обязательно питаться три раза в день с включением в рацион горячих первых, вторых блюд и салатов из свежих овощей. Последующие месяцы полностью подтвердили эффективность такого подхода.

За дорогой канадцы ухаживают спутая рукава — асфальт сплошь в снежном накате. Да и чего ради чистить — впереди несколько сот километров почти безлюдной местности. К сожалению, и качество дорожного полотна заметно упало: все чаще попадаются знаки и светоотражающие флажки, предупреждающие об ухабах, рытвинах, сужениях. Зато на указателях вместо “миль” привычные для нас “км”.

Ровно в 18:00 остановились на оборудованной автостоянке. Машины, въезжая на нее, располагаются по кругу, а центр остается нетронутым. На нём мы и поставили палатки. Вскоре из-за леса выплыла улыбочивая луна. Вокруг нее красовался белесый обруч — верный признак приближения мороза. При лунном свете сразу ожила, повеселела округа.

Днём побродили по весьма необычному лесу, выросшему на окраине городка Ватсон-Лейк возле одноимённого озера. Это вообще-то парк, в котором на бесчисленных столбах и щитах развешаны или прибиты гвоздями десятки тысяч разноцветных табличек, вымпелов с эмблемами предприятий, фамилиями и адресами людей, названиями деревень, городов, компаний, именами любимых, родовыми гербами, автомобильными номерами и т. п.

Этот “лес” пользуется у канадцев огромной популярностью. Они едут сюда со всех уголков страны, чтобы заявить о себе, о своих пристрастиях, о любимом предприятии, о своей семье. Мэр города, придумавший столь оригинальный ход, не пожалел денег на рекламу и, эксплуатируя неистребимую страсть людей ко всякого рода меткам, обеспечил многократный рост доходов местным гостиницам, ресторанам, автозаправкам и городской казны.

Мы тоже оставили свои “метки” (два вымпела) и сфотографировались на память под знамёнами России, Краснодарского края, Башкирии и Русского географического общества.

В этих краях индейцы многочисленны. Мужчины с чёрными гривами волос и, несмотря на мороз, без головных уборов. Странно было видеть седоволосых пожилых индианок, восседающих за рулём громадных “Фордов”. Кстати, канадские водители правил не признают – гоняют так, что только свист стоит. Мы здесь, пожалуй, самые дисциплинированные – едем строго в соответствии со знаками (за всё время ни одной машины не обогнали!).

7. Через каньоны к Ванкуверу

Вот уже третий день мы в одиночестве рассекаем под тоскливый вой метели перегородившие дорогу ребристые сугробы. (Я и не предполагал, что Канада настолько слабо заселена, что можно проехать несколько сот километров и не встретить ни одного селения). Временами видимость почти нулевая. В такие моменты останавливаемся, чтобы не улететь под откос. Иногда за счёт скорости удавалось вырваться из объятий снежной круговерти, но она каждый раз нагоняла нас. Лишь на четвёртые сутки прояснилось, и навстречу нам выползла первая машина.

Всего по Канаде едем восьмой день. Чем ниже спускаемся, тем гуще становятся леса, выше и мощнее деревья, тоньше снежный покров. А сегодня даже попадались проталины. На них крохотными солнышками горят подснежники – нетерпеливые храбрецы, рвущиеся навстречу теплу и свету.

Если вчера наш путь пролегал по местам, очень похожим на Валдайскую возвышенность в зимнюю пору (размашистые, утыканные сумрачными елями холмы), то сегодня совершенно иная картина. Грандиозные каньоны следуют один за другим, и каждый поражает своей мощью и затейливостью. В них безветренно, сверху ласково припекает солнышко. В общем, благодать!

В восемь утра с некоторой грустью покинули уютную стоянку под крышей разлапистых канадских сосен, оборудованную на берегу озера, живописно втиснутого в каньон Марбел. Оно заковано в толстый, потрескавшийся от морозов голубоватый лёд. На этой стоянке имелось всё, что необходимо для отдыха и ночёвки путников: столы со скамьями, очаги, площадки для палаток, туалеты и даже ручной насос для воды.

Вскоре въехали в ещё более внушительный каньон Фрасер. Здесь уже всю властвовала весна: талые воды рыли ходы, подтачивая снизу сугробы; деревья, наполняясь живительными соками земли, загустели. Прелую листву пронзила щетина зелёных ростков. Размеры и невероятно сложный рельеф каньона до такой степени поразили нас (глубина более километра, ширина – около двух), что командор остановил машину и, выбежав на его край, с азартом принялся фотографировать. От него бросились врассыпную отдохавшие в кустах среди высокой прошлогодней травы олешки, очень похожие на сибирских косуль. Один оленёнок запутался в сухих тесёмках травостоя, упал и, инстинктивно прижавшись к земле, затаился. Чтобы не беспокоить малыша, мы отъехали метров на сто ниже.

Рыжеватая вершина каньона упиралась в острозаточенный скальный гребень поперечного хребта. Дно затянуто лесом, преимущественно хвойным. Под его пологом глубоко внизу гремел, ворочал камни стремительный белопенный поток, принимающий из боковых, высоко расположенных ложбин и расщелин жемчужные дуги водопадов. Поскольку склоны каньона сложены из довольно рыхлых осадочных пород, оползни, уносящие в речку многометровые участки дороги, здесь рядовое явление. На месте одного из оползней дорожники как раз вели восстановительные работы. Уже отсыпали новое полотно, укрепили его бетоном и готовились к асфальтированию. Окажись мы

здесь двумя днями раньше, пришлось бы разворачиваться и добираться до Ванкувера более длинным, окружным путём.

В самой широкой части этого довольно протяжённого каньона расположен городок Лиллоет – весьма крупный для здешних мест населённый пункт. Микроклимат здесь из-за высоких гор до того мягкий, что в широкой котловине благоденствуют даже виноградники.

Долгожданный миг: выезжаем на берег широкого залива, с которого открывается вид на столицу Западной Канады – город Ванкувер. Это довольно крупный мегаполис – километров пятьдесят в диаметре, рассечённый полноводной рекой Фрейзер. В глаза сразу бросается толпа серых небоскрёбов, с нечеткими из-за сизой дымки над городом контурами. Левее, на юго-востоке, над синюющими вдали хребтами сияет белая вершина вулкана Бейкер. Там уже территория США. Он первый из семидесяти, на которые нам предстоит подняться, провести измерения и описать.

8. В США как на вулкане

Сегодня пересекли границу между Канадой и Соединёнными Штатами Америки.

Американские пограничники, узнав, что мы русские, сначала долго изучали материалы про нашу экспедицию на сайте Русского географического общества (версию на английском языке), потом проверяли документы на машину, дотошно исследовали записи в наших дневниках – не занесли ли мы туда что-нибудь про их военные объекты... Затем вновь засели за компьютеры. Не обнаружив ничего подозрительного, офицер проставил в наших паспортах печати о въезде в США. Обрадованные, мы заскочили в машину и помчались к Бейкеру – одному из самых активных и высоких вулканов Каскадного хребта (3976 метров).

В долинах уже по-летнему тепло. Деревья в зелёной дымке – из почек наполовину выросли смолистые пахучие клювики. По мере набора высоты холодало. Дорога запетляла сквозь хмурый обомшелый хвойный лес. Здешние лесники его не чистят – земля сплошь в поваленных лесинах. (А может, и правильно, что не чистят, ведь в природе всё должно идти своим чередом, по её, а не нашим законам).

До кратера добрались к обеду следующего дня. Первые пятьсот метров шагали по накатанной снегоходами и лыжниками тропе среди мощных и высоких, как на подбор, елей и канадских сосен. Когда тропа рассыпалась на одиночные следы, идти стало намного трудней: склоны крутые, а снег всё пышнее и глубже. Надежда на наст не оправдалась: перед этим несколько дней валил обильный снег, и теперь он лежал пухлым, не слежавшимся одеялом. Вскоре пришлось тропить поочерёдно. Когда встали на обед, все повалились на “пенки” как подкошенные – до того с непривычки устали. Лишь дежуривший Илья вынужден был возиться с горелками и котелками.

Тем временем небо затягивали свинцовые тучи, атмосферное давление падало. Приближалось ненастье. На склоне всё чаще встречаем оголённые небольшими лавинами участки. Густо повалил снег. Стало очевидно, что до вершины сегодня не дойти. Чтобы случаем не накрыло лавиной, палатки поставили под отвесной, с отрицательным уклоном, стеной. Спали после такой мощной физической нагрузки как убитые. Не мешали даже оглушительные хлопки, издаваемые при порывах ветра капроновыми скатами. Вскоре палатки так замело и обжало снегом, что хлопки прекратились, а вой ветра едва пробивался.

Утро одарило ясным небом и слепящим солнцем. Из-за выпавшего за ночь снега идти стало ещё тяжелей. Чтобы не терять темп, впереди идущих сменяли каждые пять минут. Вдруг, как это часто бывает в горах, откуда-то налетела армада черных туч, и хлопья снега на глазах вновь поглотили округу. Мне, единственному очкарику в нашей команде, приходилось то и дело останавливаться, чтобы протереть стёкла. Снег валил такой плотной стеной, что, казалось, вдохни полной грудью – и захлебнёшься его хлопьями.

Запахало сероводородом. Дышать стало ещё труднее. Когда проходили мимо парящих едким газом фумарол, спазмы перехватывали дыхание и приступы кашля сгибали пополам. Пар инеем оседал на одежде, бороде, бровях.

Все побелели, словно наделили маскировочные халаты. Лёха зафиксировал на электронной карте GPS координаты этого фумарольного места. Временами снегопад становился настолько густым, что впереди идущий терялся в белой мгле. Звуки гасли, очертания камней искажались до такой степени, что скалы превращались то в громадное дерево, то в какое-то чудовище.

Я брёл в самом хвосте. В одном месте неловко поскользнулся и, пытаюсь сохранить равновесие, отступил в сторону, а там пустота!.. Открыл глаза – вокруг лёд. Понятно – угодил в трещину. С трудом освободив руку, расковырял снежные комья над головой. Край трещины вижу, но дотянуться до него не могу. Стал кричать. Минут через десять появились сначала Лёха, за ним Костя. Не дождавшись меня на гребне, они вернулись по следу. Когда я с их помощью освободился из ледяного плена, Костя сунул мне под нос громадный кулак и сказал:

– Говорил тебе, иди в середине цепочки!

Заглянув в расщелину, я перекрестился: будь она поглубже, мог бы и кости переломать.

Впереди показался громадный свисавший с уступа горы снежный надув. Непонятно было, как эта многотонная махина до сих пор не рухнула. Заходить под него было страшновато, но делать километровый крюк не хотелось. Пока шли, я всё бормотал: “Господи, спаси и сохрани”. Пронесло!

Наскоро перекусив в скальной нише, продолжили восхождение. Вершина возникла столь неожиданно, что мы, на всякий случай, прошли сквозь снежную муть ещё немного. Когда поняли, что уже спускаемся, вернулись. Радость от восхождения омрачилась тем, что снежная завеса не позволила сделать качественные снимки кратера. Фотографии получались смазанными, нечёткими.

Спускаться было легче. Тем более что в прорехи туч то и дело ободряюще выглядывало солнце, а выдохшийся ветер лишь едва шевелил колючую позёмку.

9. Райская Калифорния

Штат Калифорния встретил нас прекрасной погодой. После многодневных, почти непрерывных дождей и плотной, низкой облачности ясное небо стало наилучшим подарком для нас. Как пояснил один соотечественников, окрестности Рейньер и Святой Елены – самое гнилое место в Америке.

На границе штата, проходящей чуть ниже увенчанного белоснежными вершинами водораздельного хребта, инспектор санитарной службы задал нам всего один вопрос: не везём ли мы с собой фрукты? Получив отрицательный ответ, поднял шлагбаум.

Изучая после ужина карту, я увидел, что пройдено более половины маршрута по США, и настала пора поделиться впечатлениями о штатовских дорогах.

То, что дороги в Америке в хорошем, по большей части, можно сказать, в идеальном состоянии, а пробки, благодаря многоярусным развязкам, двухуровневым мостам и грамотной организации уличного движения, редчайшее явление – факт общеизвестный. А вот то, что все дороги, включая скоростные автобаны, бесплатные – это для нас стало приятным сюрпризом. Платные дороги, возможно, имеются, но нам не встречались.

Стоянки представляют собой заасфальтированные площадки с разметками отдельно под фуры, отдельно для легковых машин. Вокруг аккуратно подстриженные газоны. Вдоль них тротуары с фонарями и отходящими вбок тропинками к столикам и скамьям под навесом. Посреди таксофоны, информационные стенды, краны с водой, розетки для зарядки аккумуляторов, просторные туалеты с кабинками для инвалидов. В них есть не только туалетная бумага, жидкое мыло, зеркала, но и бумажные полотенца. Чистота, как в аптеке.

Вдоль дорог, как и у нас, тянутся ЛЭП. Но и здесь свои особенности: опоры, даже высоковольтные, не бетонные, а деревянные (прямые, приличной толщины, пропитанные светло-коричневым антисептиком столбы). Полицейских, на первый взгляд, мало, но вскоре мы убедились в ошибочности этого впечатления. Дело в том, что машины, патрулирующие дороги, в отличие от наших, не имеют специальной окраски и надписей. Более того, мигалки на крышах настолько плоские, что издали не заметны. Зато когда полисмен

включает так называемое СГУ, то машина начинает зловеще реветь и мигать несчётными красными и синими огнями спереди и сзади. А так – стоит на обочине обыкновенный джип. Если машину остановили, водитель должен открыть окно и не двигаться. Выходить без команды полисмена категорически запрещено. А вдруг ты собираешься на него напасть?.. Попытка дать взятку, как правило, заканчивается тюрьмой.

Любопытно, что государственный номер при регистрации автомобиля можно придумать самому и указать его в заявлении. Поэтому некоторые авто-владельцы имеют номера с довольно оригинальным сочетанием букв или цифр. Например, на машине нашего друга Ильи Иванова из Анкориджа гордо красуется “СССР”, пониже мелкими буквами “Аляска” – просто и патриотично!

Штат Калифорния показался нам самым интересным по разнообразию рельефа и флоры. Мощные горные массивы, высокогорные плато и котловины, заставленные крохотными, метров под двести, конусами непонятно происхождения, щелеобразные каньоны с бурунистыми речками и искрящимися водопадами чередуются с просторными, плодородными долинами, на которых пасутся огромные стада коров, отары овец и табуны лошадей. На двух ранчо видели даже гурты альпак (одного из четырёх видов южноамериканских лам).

Все места выпаса ограждены многокилометровой оградой (пять рядов кантани, продёрнутой сквозь металлические стойки) и в основном поливные – климат в Калифорнии довольно сухой. Об этом свидетельствовали и обширные пустоши с черными скелетами обгоревших деревьев.

... Миновало 45 дней со дня старта экспедиции. На снегоходах пройдена Аляска, на автомобиле – Канада, штаты Вашингтон, Орегон, Калифорния, совершены восхождения на два действующих вулкана. Всего за плечами нашей команды более 9000 километров и весомый объём фото- и видеоматериалов. Гудбай, Америка!.. Хотя правильнее будет сказать: “Гудбай, Соединённые Штаты!” Если честно, расставался с этой страной без сожаления. Что интересно, как только мы въехали в Мексику, все вздохнули с облегчением. Было ощущение, что из красиво и богато обставленной тюрьмы вырвались на волю. Ни у кого из членов нашей команды желания пожить в Америке не возникло. При всей красоте и ухоженности, от этой страны осталось чувство ненатуральности, искусственности и жизни и нравов в этой стране. При этом нам очень понравилась необычная природа Штатов.

Сегодня День космонавтики и очередная годовщина первого полёта человека в космос! Это был гражданин Советского Союза – Юрий Гагарин.

И представьте себе наше возмущение, когда как-то на автозаправочной станции двое молодых американцев стали доказывать, что первым в космос полетел их астронавт. Мы чуть не подрались с ними, убеждая, что они заблуждаются. Ещё раз убедились: обучение в США построено таким образом, что каждый американец уверен, будто все достижения человечества принадлежат его стране, что все иные народы – второй сорт. К сожалению, в последние десятилетия и мы живём по навязанным ими правилам. Всё оглядываемся: как бы не осудила нас “мировая общественность” в лице полосато-звёздного дядюшки Сэма.

10. Буэнос тардэс, Мексика!

Покинув последний крупный населённый пункт США на нашем пути – город Тусон (штат Аризона), мы в 10 утра подъехали к мексиканской границе. Она проходит прямо посреди городка Ногалес (чопорного на американской стороне и бойкого, весёлого на мексиканской). Как ни странно, мексиканцы на КПП даже документов не спросили. Мельком глянув в салон, небрежно махнули рукой: “Валяйте!”.

Через пару километров видим: дорога сужается, а возле будки стоят вооружённые люди, – второе КПП! Здесь одетые во всё чёрное мексиканские таможенники и пограничники сначала тщательно обследовали багажник, салон, а потом стали сличать фотографии на паспортах с нашими физиономиями. Узнав, что мы из России и совершаем кругосветное путешествие, сразу помягчели, а когда Константин подарил им вимпел Русского географического общества, и вовсе растаяли.

Отъехав, мы долго гадали, почему на первом КПП у нас не проверили паспорта? Ведь мы могли второе КПП спокойно объехать по многочисленным боковым улочкам. Видимо, это такая форма “активной” борьбы с контрабандой, как у нас с наркотрафиком!

Колыбель загадочных цивилизаций майя и ацтеков встретила слепящим солнцем, бледным от зноя небом и тридцатиградусной жарой. На выжженном плато – лишь многоствольные кактусы, колючие кусты, пучки пожухлой травы. Лесов на севере Мексики практически нет. Лишь изредка мелькнёт жиденькая роща.

Панорама довольно однообразная: раскалённая, безводная равнина в зубчатой кайме невысоких гор. Земля желтоватого, иногда красноватого цвета. Кое-где монотонность равнины нарушают оплывшие конуса небольших вулканчиков. За два первых дня нам не попало ни одного ручья, ни одного водоёма. Вернее, они были, но все пересохшие. У дороги, на приметных возвышенностях простирает руки к небесам гипсовый Иисус Христос. На широких участках отвесных скал можно увидеть и нарисованное изображение Девы Марии. В селениях почти у каждого дома – миниатюрные часовенки.

На дорогах и в посёлках нет ни белых, ни чернокожих афроамериканцев – одни мексиканцы (потомки испанцев и индейцев). Что интересно, в Мексике мы задышали свободно, полной грудью. Здесь живут легко и просто, без мифов, обставленных красивыми декорациями и приукрашенных искусственным макияжем. Эта естественность сразу подкупает, располагает к стране, пусть не самой богатой, но активной и жизнерадостной.

Дороги в хорошем состоянии. Правда, изрядно портят впечатление заваленные мусором обочины. Машин много, но в основном подержанные: длинные американские громилы вперемешку с более компактными японскими и корейскими. Через каждые 60–80 километров шлагбаум и контролёр, собирающий плату за проезд. Рядом два-три автоматчика – попробуй, не заплати! За два дня нам пришлось раскошелиться шесть раз по 61 песо (примерно – 6 долларов США).

В отличие от Америки, здесь встречи с военными обычны. Мимо нас проследовало несколько больших колонн. Все бойцы экипированы так, будто едут на войну. Будучи в Мехико, на приёме у нашего посла узнали об истинной причине такой концентрации силовиков в северных провинциях страны, но об этом позже.

Полицейских тоже предостаточно, все на внедорожниках. Один непременно в кузове с собакой. Они периодически проводят облавы: поперёк автострады ставят несколько машин, и выборочно проверяют документы и грузы у проезжающих. Тем не менее, местные водители на правила не обращают внимания – гоняют похлеще наших. При знаке “60 км/час” (мили здесь не признают) едут под сто. И хотя мы соблюдаем ограничение скорости, особенно в населённых пунктах, в Лос-Мочисе нас всё же подловили (первый случай за два месяца): при знаке “40 км/час” мы “неслись” со скоростью аж 47 км/час!.. И снова нас выручили сувенирные значки экспедиции и симпатия мексиканцев к России.

Наша ближайшая цель – огнедышащий вулкан Фуэго-де-Колима. Едем к нему параллельно Калифорнийскому заливу. Когда дорога приблизилась к берегу почти вплотную, свернули на стоянку и наперегонки побежали к океану – жутко хотелось освежиться. Однако радужные разводы на воде заставили повернуть обратно.

Вот и первые сады появились... Фруктовые деревья самые разные: папайя, апельсины, лимоны, кофе, авокадо. Любопытно то, как мексиканцы омолаживают старые деревья: берут и отпиливают ствол на высоте метра полтора. Через неделю-две из пенька выстреливают новые побеги, растущие благодаря мощной корневой системе необычайно быстро.

Животноводство тоже развито. Хозяйства по преимуществу крупные. Большая часть их занимается выращиванием коров. Коровы, правда, какие-то страшенькие, мало похожие на наших бурёнок. Мосластые, вымя тощее, на спине горб, как у верблюда, под шеей “борода” болтается. Зато неприхотливые – жуют даже пересохшие стебли кукурузы. Помимо крупного рогатого скота разводят коз, овец. На юге ещё и шерстистых свиней. Поразило обилие лошадей: породистые, ухоженные, шерсть лоснится, гривы расчёсаны. Особенно много их в районах, где преобладают индейцы.

Множество гигантских, занимающих десятки гектаров модульных теплиц поначалу вызывало недоумение. К чему такие расходы при таком жарком климате? Потом сообразили: у них иное назначение – для сохранения влаги и защиты от палящих лучей солнца.

Вместо проволочных оград вдоль дороги всё чаще видим капитальные заборы, сложенные из дикого камня. За ними на полянах иногда стоят небольшие, на восемь-двенадцать семей, пасеки.

Жара всё нарастает. Днём температура поднимается до 36 градусов. Чтобы ноги не сварились в горных ботинках, всем купили сандалии.

Приближаемся к цепочке невысоких вулканов, изъеденных оспинами кратеров. Вокруг безжизненные лавовые поля, состоящие из торосистых нагромождений чёрных, уродливых глыб с довольно острыми, шершавыми краями. Проехав их, останавливаемся на ночёвку у края леса.

На следующий день мы спустились в долину и вновь едем мимо залатанных лоскутами полей сахарного тростника, ананасов и остролистой агавы, идущей на изготовление текилы. Агаву в этих районах выращивают в гигантских масштабах. Причём агаву голубую – только её сердцевина пригодна для производства текилы. Из её сахаристого сока изготавливают попутно и слабоалкогольный напиток – пульке.

Перед городом Гузман сквозь дым пожарищ проступил, наконец, крутостенный контур вулкана Фуэго-де-Колима (3820 метров) – первый из тех, что мы должны обследовать в Мексике. Через минут тридцать его можно было уже рассмотреть детально.

Красивее вулкана я пока ещё не видел: идеальный конус, колоритно иссечённый цветными потоками лавы, издали напоминающими старческие морщины вокруг глаз. Из кратера то и дело вылетают сизые клубы. Ветер тут же подхватывает их и вытягивает в длинную, уходящую за горизонт цепочку.

Фуэго – классический образец стратовулкана. Они образуются множеством слоёв затвердевшей лавы, перемешанной с вулканическим пеплом. Среди других он выделяется необычайной крутизной склонов. Это связано с тем, что здешняя лава, в отличие от лавы гавайского типа, жидкой и текучей, – густая и вязкая (напоминает перезревшее тесто). Поэтому её большая часть застывает прямо на склоне.

Заехав на широкое предвершинное плато (1600 м), встали на ночевку рядом с недавно разбитым садом авокадо. До ужина я прогулялся вдоль длинных рядов молодых саженцев. Несмотря на невероятную жару, приживаемость высочайшая – 97%. Такой фантастический результат обеспечивается упорством и трудолюбием крестьян. Они часами закачивают воду из горных ручьев в бетонные и застеленные плёнкой бассейны и оттуда без усталости поливают из шланга каждую лунку. Кроме авокадо тут выращивают лимоны, мандарины, папайю.

Утро. Низкое солнце не жжёт, а лишь нежно ласкает. Фуэго тоже утихомирился – отдыхает после ночной вахты. В лесу стоит невообразимый птичий гул. Особенно громко и истерично радуются появлению светила павлины. Восхищает, с какой лёгкостью эти громадные птицы перелетают с дерева на дерево.

11. Как рождаются вулканы

История возникновения вулкана Парикутин трагична и комична одновременно.

На кукурузном поле крестьянина Дионисио Пулидо была яма. В неё практичный малый бросал мусор и сухие стебли. При этом, сколько бы ни бросал, яма никогда не заполнялась.

В первых числах февраля 1943 года из неё стал доноситься приглушённый рокот. Причём сила его час от часа нарастала. Это встревожило крестьянина. Было очевидно, что вот-вот должно что-то произойти, но через пару дней гул прекратился, и земледелец успокоился.

Две недели спустя, 20 февраля, когда Дионисий рыхлил мотыгой поле для посадки маиса, земля зашевелилась, и от ямы прямо к нему побежала, расширяясь, трещина. Одновременно зашатались, как будто пьяные, растущие вокруг поля деревья. Через расширяющуюся на глазах трещину повалил

дым, сквозь который мелькали огненные сполохи. Дионисий в панике побегал домой.

Утром обеспокоенные жители деревни обнаружили на месте ямы миниатюрный конус высотой два метра. Из него то и дело вырывались клубы пепла. Вскоре к ним прибавились разлетающиеся веером камешки, а спустя несколько часов и раскалённые камни. Далее события развивались с кинематографической скоростью – 22 февраля из “прыща” полезла, потрескивая, огнедышащая лава, и вскоре на месте поля вырос настоящий вулкан, возвышающийся над плато на 350 метров.

В общей сложности извержения продолжались ещё восемь лет. За это время конус новорождённого достиг высоты 2774 метра, а выползавшая из жерла магма запечатала под многометровой каменной бронёй десять селений. Более 4000 человек остались без крова. Одно радовало: никто не погиб ни от лавы, ни от вулканических бомб.

Дионисий же выгодно продал свой участок с разбушевавшимся вулканом известному мексиканскому художнику Атлю, который за несколько лет, проведённых у вулкана, сделал более одиннадцати тысяч рисунков и не менее тысячи пейзажей.

К Парикутину проще всего попасть через старинный городок Ангахуан, притулившийся на краю впадины. Лишь только мы въехали в него, нас “атаковали” всадники на разномастных лошадях. Они окружили машину и, цокая по брусчатке, долго скакали рядом, убеждая, что нам к вулкану даже на внедорожнике не проехать, и предлагали подвезти на лошадях за умеренную плату (30 долларов в оба конца с человека). Но мы, приученные Костей к экономии средств, решили добираться самостоятельно.

Изрядно поплутав по узким улочкам и почти утратив надежду найти выезд к Парикутину, напоследок свернули в неприметный проулок. Вскоре увидели, что он упирается в высокий забор. Илья хотел было повернуть обратно, но Костя решительно скомандовал: “Едем!” Только подъехав к нему почти вплотную, обнаружили съезд вправо. Это и была та самая “засекреченная” дорога!

Миновав сосновый лес, оказались на бугристом лавовом поле. Посреди него возвышалась грозный перстом колокольня. Вокруг шести-семиметровый слой иссиня-чёрных комьев застывшей магмы, а колокольня невредима! Уцелели даже алтарь с иконостасом. Не чудо ли?! Через километр подъезжаем к не тронутой лавовым потоком, щедро присыпанной вулканическим пеплом площадке с базарчиком и массивными печами под навесами. Здесь уставшие паломники и туристы могут отдохнуть и подкрепиться блюдами индейской кухни, приготовленными дородными мексиканками.

Мы интересуемся, как проехать к вулкану. Индейцы наперебой принимают объяснять, что самостоятельно ехать к нему нельзя – требуется разрешение шерифа. Мы просим самого представительного, седовласого сеньора помочь связаться с ним.

Сделав несколько звонков по мобильнику, тот сообщает, что шериф разрешил, но только в сопровождении местного гида, которому мы должны будем заплатить 20 долларов. Гид сейчас занят с другой группой и приедет за нами завтра в девять утра.

Делать нечего! Отъезжаем в сторонку и встаём на ночлег. В назначенное время находим вчерашнего сеньора. Он созванивается с гидом. Слушает его, разочарованно кивая головой. Затем разворачивает карту-схему и сам объясняет дорогу к вулкану.

Отблагодарив индейца, взбираемся на лесистую гряду и едем по ней между двух лавовых потоков. На многих стволах сосен видны косые насечки и жестяные воронки для сбора живицы. Через полчаса выезжаем на голое плато, покрытое раскалённым от палящих лучей солнца черным пеплом. Посреди слегка дымит симпатичный конус – Парикутин.

На восхождение отправляемся сразу, без раскочки. Хотя вулкан не из высоких, попотеть, “буксуя” на текучей мешанине из пепла и крупчатой пемзы, всё же пришлось изрядно.

Поскольку на Фуэго я не ходил, мне очень хотелось реабилитироваться: подняться на Парикутин первым. К моей радости, это удалось! Видимо, ребята ещё не восстановились.

Воронка кратера встретила нас парящими фумаролами и жутковатым лунным ландшафтом. Его безжизненность смягчалась робко пробивающейся между базальтовых глыб зеленью.

Сверху хорошо просматривалось всё двадцатипятикилометровое лавовое поле, навсегда похоронившее близлежащие селения. Единственным свидетельством того, что в этих местах жили люди, была та самая колокольня. Потoki лавы обогнули её, и теперь она возвышается, как символ торжества Божьей воли.

12. Мехико и священный вулкан Попокатепетль

После Парикутина мы побывали на вулкане Невада де Толука, это в центре штата Мехико. И, наконец, поднявшись на поперечный хребет, с высоты 3200 метров увидели сквозь смог обширную холмистую котловину с бескрайним городом Мехико. Над ним висело бледное, будто вылинявшее, небо и такое же бесцветное солнце.

В этом городе нам предстояло провести несколько дней. Надо оформить визы в Панаму, купить велосипеды, отправить в РГО фото, видеоматериалы и бухгалтерские отчёты для получения следующего транша.

Столица Мексики особого впечатления не произвела. Для меня она была интересна лишь тем, что на сегодняшний день Мехико не только один из самых многолюдных мегаполисов на нашей планете, но и самый неохватный по занимаемой территории – 200 километров в поперечнике! Ещё в нём находятся одна из самых больших площадей мира (площадь Конституции) и крупнейший в Латинской Америке кафедральный собор.

Основали город в 1325 году ацтеки. Так что Мехико ещё и старейший город Нового Света. В доколумбовы времена он входил в число самых красивых городов мира. Правда, из построек того периода почти ничего не осталось, а современные постройки, за редким исключением, весьма заурядны.

Вечером провели встречу с журналистами. В их числе был собственный корреспондент “РИА Новости” Юрий Николаев, регулярно освещающий через своё агентство ход нашей экспедиции. В Мексике он работает не первый год. После общения с ним мы поняли, что родились в рубашке. Оказывается, мало кому удаётся без осложнений проехать по северным, граничащим с США, мексиканским штатам. Поскольку через них проходят основные каналы поставок наркотиков в США, Канаду, там постоянно происходят разного рода разборки между конкурирующими бандами, ограбления с расстрелом водителей и пассажиров автомобилей и автобусов. Теперь было понятно, отчего в тех краях так много вооружённых до зубов армейских патрулей. (На коррумпированную полицию президент уже не надеется).

Что ещё для полноты картины следует рассказать о Мехико?

Те телевизионные программы, которые нам довелось посмотреть, сделаны на высоком профессиональном уровне. Каналы самые разные, есть и чисто тематические (музыкальные, исторические и т. д.). Характерно, что на телевидении и радио не слышно иностранных песен. Конечно, это уже перебор, но, на мой взгляд, приоритет национальной культуры всё же необходим.

И ещё такая деталь – сомбреро здесь не носят. Как я понял, у мексиканцев это такой же сценический атрибут, как малахай у башкир или атласные шаровары у украинцев.

Наутро, оставив часть вещей в консульстве, отправились к вулкану Попокатепетль (5426 метров). Он обосновался посреди отрогов Поперечной Вулканической Сьерры, всего в 55 километрах к юго-востоку от столицы, и в любую погоду заметен даже из окон приземистых лачуг.

В переводе с ацтекского Попокатепетль означает “дымящая гора”. Индейцы всегда с большим почтением относились к вулканам, и у каждого племени был свой объект поклонения. Но лишь Попокатепетль вызывал единодушный священный трепет и любовь всех индейских племён. Подобно тому, как японцы поклоняются Фудзияме, непальцы – Джомолунгме, а масаи – Килиманджаро, они почитают свой “Эль-Попо”.

Достигнув отметки 3800 метров, мы упёрлись в шлагбаум. Отсюда уже отчётливо был слышен гул и видны исторгаемые из жерла вихрастые клубы жёлто-бурого дыма. Пока мы любовались этим завораживающим зрелищем,

подошёл охранник и объяснил, что вулкан в фазе повышенной активности, и он пропустит нас только по письменному распоряжению директора. Чтобы попасть к нему, следовало спуститься в городок Амекамека – в нём находился офис национального парка.

Директор встретил любезно, но был неумолим:

– Я не могу дать разрешения! В последние дни вулкан разбушевался – кроме вулканических газов и пепла выбрасывает магму.

Костя объясняет, что мы все имеем большой опыт, хорошо оснащены и подготовлены. Выслушав его, директор берет лист бумаги и довольно точно чертит на нем профиль вулкана:

– Куда вы хотите подняться?

Командор ставит точку на вершине. Директор меняется в лице и, перечеркнув рисунок, начинает, темпераментно жестикулируя руками, говорить, что это невозможно ни при каких обстоятельствах, что у кратера уже погибло много людей. Он не может допустить новых жертв.

Поняв по выражению наших глаз, что его слова не возымели действия, задал прямой вопрос:

– Вы что, приехали, чтобы умереть в Мексике? – Немного помолчав, твёрдо объявил: – Я не допущу гибели гостей из России! Если нарушите запрет, депортируем из страны!

Этот “аргумент” нас доканал – решили не лезть на рожон, тем более что впереди Орисаба (5636 метров) – самая высокая гора Мексики и вторая на североамериканском континенте (уступает лишь Мак-Кинли).

За чаем директор рассказал нам, что на Попо главную опасность представляет не лава, а мощные грязевые потоки, образующиеся от таяния глетчеров при извержении. Ледниковая вода, смешанная с пеплом и кусками застывшей магмы, устремляется селем вниз, сметая все на своем пути. Последнее крупное извержение, сопровождавшееся выбросом пепла на высоту шесть километров, произошло в сентябре 2000 года. В прошлом году было зафиксировано появление нового конуса внутри кратера. Именно с этого момента охранную зону парка значительно расширили, а на вулкане установили видеокамеру. С её помощью вулканологи могут наблюдать за происходящим в режиме реального времени.

13. На земле загадочных майя

За спиной уже вся Мексика. Впереди плоский известняковый полуостров Юкатан – колыбель цивилизации майя, сосредоточивший в себе огромное количество археологических памятников. Костя, увидев на карте, что мы находимся вблизи их пирамид, после недолгих колебаний дал команду сворачивать и ехать к ним. Просёлочная дорога вывела нас на вытянутую гряду, затянутую густой сельвой, и через несколько километров упёрлись в шлагбаум. Сбоку от него под навесом за столом читал книгу представительный седоглавый мексиканец. Узнав о цели нашего визита, он придал своему лицу ещё более значительное выражение и стал записывать в засаленный журнал наши данные. Поняв, что мы из России, оживился, пожал каждому руку, – оказывается, до нас русские здесь не бывали. Заполнив все графы, объяснил, что музей по дорожке слева, а к пирамидам следует идти прямо. Поднимая перегороживающую проход трубу, он не без гордости добавил, что посещение парка и музея бесплатное.

К возвышавшимся над деревьями пирамидам канувшего в Лету царства вела уютная лесная дорога. Её в нескольких местах пересекали тропы, вытоптанные... мириадами муравьёв.

Культовые сооружения расположены на обширной, ровной площадке. В центре небольшая пирамида. Перед ней, стоящий на каменных блоках, то ли стол, то ли жертвенник округлой формы. Справа, наискосок, пирамида повнушительней. К её вершине, где некогда возвышались башни, вели отполированные за многие века каменные ступени. На самом верху – плиты с едва различимым орнаментом. Третья пирамида, более длинная, но частично разрушенная, расположена слева от центральной. От всего этого комплекса веяло покоем и вечностью. Трудно поверить, что в былые времена здесь кипела жизнь.

Перед тем как покинуть парк, посетили стоящий прямо в лесу музей, хранящий уникальные экспонаты эпохи, предшествующей нашествию конкистадоров. Молодой экскурсовод, студент-историк Стефан рассказал, что некоторые пирамиды майя по размерам не уступают египетским. А длина основания пирамиды Чолула (440 метров) больше, чем у знаменитой пирамиды Хеопса. Мы узнали, что у майя существовал культ бога Кукулькана, пернатого змея с человеческой головой. Это он дал людям знания, которые легли в основу развития их общества. В 1935 году недалеко отсюда был найден каменный барельеф с его изображением: человекоподобное существо, восседавшее на трубе с заостренным носом. Посреди трубы странное расширение, похожее на кабину, а из хвостовой части тянутся прямые линии (вырываются струи пламени?). На голове “пассажира” некое подобие шлема с “антеннами” наверху. Чем не инопланетянин?..

В более поздней цивилизации ацтеков бога Кукулькана неизменно связывают с бородатым Кетцалькоатлем, воплощавшим силу Земли (коатль) и силу Неба (кетцаль). По преданиям, он явился со стороны солнца и обучал ацтеков наукам. А когда его миссия завершилась, он удалился на корабле к утренней звезде, пообещав вернуться.

Видя, с каким интересом мы слушаем, Стефан поведал и о порабощении европейцами американских континентов, которое началось именно с полуострова Юкатан в 1517 году.

14. В джунглях Гватемалы

Гватемала – царство мотоциклистов, при этом женщины лихачат похлеще мужчин. Одной рукой руль держат, в другой – сотовый телефон, а за спиной малыш головой вертит. Большинство женщин в колоритных национальных костюмах (запашные юбки, цветистые вышивки на рубашках и накидки, украшенные вышивками из серебристых и золотистых нитей). Любимый цвет: фиолетово-сиреневый. На головах по-особому сложные грубо тканые, преимущественно бордового цвета, платки. При необходимости прямо на них водружают тяжеленные корзины и шествуют, небрежно помахивая рукой, а то и обеими. Впечатлила самобытность одежды на некоторых мужчинах: короткие штанишки из лёгкого пёстрого материала, поверх них – домотканая юбочка. Одеты так пока меньшинство, но говорят, что костюмы, соответствующие канонам культуры майя, входят в моду. Почти 500 лет испанцы приобщали аборигенов к европейским традициям, а душа индейца всё равно тянется к истокам.

Нравственные устои вообще мало изменились. Разводы – большая редкость. Каждая супружеская пара имеет по пять-семь детей. Старые люди окружены вниманием, и, хотя пенсию получают немногие, большинство благодаря заботе детей и внуков не бедствуют. У гватемальских дорог (они бесплатные) есть интересная особенность: все крупные камни по обочинам раскрашены. Где-то в оранжевый цвет, где-то в белый, где-то в жёлтый. А на гранях скал нарисованы флаги ведущих партий с многообещающими лозунгами.

Поднявшись по змеевидным извилинам дороги на высоту в две с половиной тысячи метров, увидели обрамлённое зубчатой короной вулканов озеро Атитлан. Оно смотрелось очень эффектно. Запечатлев сказочную панораму озера, поехали по всё той же узенькой дорожке дальше в расчёте, что она выведет на более широкую. Но в итоге въехали на тесную, предназначенную только для велосипедистов и всадников улочку старинного городка. Пришлось сразу сложить зеркала заднего вида. И всё равно, протискиваясь между домов, мы то и дело царапали о выступы сложенных из камня стен бока и двери машины. Изумлённые жители прильнули к окнам: автомобиль ехал по этой улице впервые за всё время существования селения. Но и этот экзамен наша машина благодаря мастерству Ильи сдала на “пять с плюсом”. Заночевали у дороги, ведущей к неразлучной парочке: вулкану Акатенанга (3968 метров) и примыкающему к нему стратовулкану Фуэго (3763 метра). Их лысые вершины, окутанные венчиками из пухлявых облачков, напоминали головы седовласых великанов.

Утром вышли налегке. Взяли только воду и небольшой запас продуктов. По тропе, разделяющей наделы, шагали довольно резво. Но когда эта тропа загнулась круто вверх, пришлось, цепляясь за выступы камней, свисавшие

корни, стволы бамбука, буквально подтягиваться на руках. Молодёжь задала такой темп, что я еле поспевал.

На моё счастье, после отметки 3000 метров тропа запетляла пологим траверсом. Я приободрился, но метров через сто пятьдесят она снова устремилась резко вверх. Настроился было на очередной рывок, как вдруг шедшие впереди ребята остановились и, скинув рюкзаки, скрылись в кустах. Оттуда донеслись сдавленные стоны.

Подойдя ближе, я увидел, что они выносят из колючих зарослей окровавленного мужчину лет сорока в форме охранника парка. Низ рубашки и штаны обильно залиты кровью. Когда раненого положили на землю, Андрей Колодкин, наш доктор, приступил к осмотру.

Сквозная огнестрельная рана, проходящая через бедро и нижнюю часть живота, выглядела настолько страшно, что я отвернулся. Тем временем Андрей, повидавший, работая на “скорой помощи”, и не такое, открыл походную аптечку, надел перчатки и, набрав в шприц какое-то лекарство, сделал укол. После чего приступил к остановке бьющей из ран крови. А мы подавали ему то ножницы, то салфетки, то тампоны. Лицо индейца тем временем порозовело, появился пульс. Когда Андрей стал вводить в рану тампоны, он с такой силой забил руками и ногами по земле, что пришлось всем навалиться на него.

Наконец кровь остановлена, раны перевязаны. Мужчина приоткрыл глаза и стал, пересиливая боль, что-то торопливо бормотать. Сообразив, наконец, что мы его не понимаем, умолк и только временами, стиснув зубы, мычал от боли. Мы с Колей и Ильёй принялись рубить бамбуковые жерди, нарезать верёвки, а Костя с Лёхой мастерить из них носилки. Настелив поверх перекладин ветки с длинными листьями, уложили раненого и понесли, сменяясь, в долину. Чем ниже спускались, тем суше становилась земля. Последние километры шли в облаке вулканической пыли, поднимаемой шестью парами горных ботинок. Она развела глаза, забивала лёгкие, но мы не сбавляли темпа. Увидев на склоне земледельца с мотыгой, попросили его как можно быстрее бежать в деревню и вызвать полицию, “скорую помощь”.

Когда, наконец, вышли на дорогу, нас уже поджидали все жители селения, а минут через двадцать подъехали и полицейские. Они погрузили пострадавшего в машину и помчались в город. Надо было видеть, с какой благодарностью смотрел на нас в эту минуту гватемалец. Такой взгляд дорогого стоит!

Местный учитель, знавший английский, подтвердил, что раненый действительно охранник национального парка. Зовут его Диего. Во время обхода он заметил на тропе обросшего человека. Поскольку в последнее время случались нападения на туристические группы (отбирали продукты, снаряжение, камеры, деньги), Диего попытался задержать его для выяснения личности, но сидевшие в засаде подельники открыли по нему огонь. Тяжелораненый охранник скатился с обрыва в колючий кустарник. Это его и спасло – бандиты не стали продираться за ним сквозь острые шипы. Выходит, Диего – наш спаситель! Караулили-то не его, а нас. Спасибо ему!

15. Вулканы Центральной Америки

Пакайя – один из активнейших вулканов на Земле. С XVII века он двадцать три раза изливал на окрестности раскалённую магму и не прекращает бурную деятельность по сей день. Последнее крупное извержение случилось в 2010 году. Тогда Пакайя за сутки выбросил столько пепла, что он покрыл округу в радиусе 50 километров десятисантиметровым слоем. Особенно сильно пострадали селения, расположенные на склонах вулкана: помимо пепла они подверглись “бомбардировке” раскалёнными камнями и сгустками раскалённой магмы, что вызвало многочисленные пожары.

Конус вулкана невысокий (2552 метра) и технически не сложный – специального снаряжения для восхождения не требуется. У подножья нас встретили всадники и предложили подвезти поближе к кратеру. Мы вежливо отказались и, заплатив за вход в национальный парк 75 кетцалей (примерно 300 рублей), пошли по тропе, усыпанной вулканическим пеплом и шлаком. В этот день я был в прекрасной форме и даже притормаживал, чтобы не отрываться от ребят.

На склоне то и дело натыкались на полузасыпанные бетонные и кирпичные коробки домов с обугленными дверными проёмами. Обильное извержение магмы случилось и за две недели до нашего прихода. Но не из главного кратера, а из разлома между двух конусов. Буро-красное лавовое поле ещё не совсем остыло, и из трещин веяло жаром, как из раскалённой духовки. Лёха, допив воду, бросил в одну из щелей пластиковую бутылку – она мгновенно вспыхнула, словно облитая бензином. Стало страшновато. Ведь, чтобы пройти к главному конусу, следовало пересечь всё это огнедышащее пространство. На наше счастье, верхушки комьев лавы уже остыли, и мы пошли, ступая по ним. Из-за нестерпимой жары заранее сняли с себя почти всю одежду, но всё равно чувствовали себя, как сталевары у мартеновской печи.

Николай на ходу измерял датчиком температуру верхнего слоя – в большинстве мест она равнялась 180 градусам. Под ногами ничего, кроме пышущих жаром буро-красных глыб. Вскоре даже в горных ботинках стало чувствительно жечь ступни, едко запахло химией. Но поворачивать обратно было неразумно: мы были уже посреди лавового поля. Прибавляем шаг и проходим мимо грота, образованного причудливым нагромождением застывших глыб. Из его красноватого нутра дохнуло таким жаром, что подумалось: а не здесь ли врата ада.

Когда спускались, сверху то и дело доносился какой-то гул. Мы каждый раз оглядывались – не камнепад ли догоняет?! Слава богу, нет! По всей видимости, это рушились внутренние стенки кратера.

Вечером, уже во дворе Пабло, добавила адреналина чудовищная гроза. Огненные жгуты молний с шипением вонзались в залитую водой землю всего в нескольких метрах от нас. Как мы остались живы, уму непостижимо. Вода лилась с небес сплошной стеной. Мы едва успели убрать палатки с пути хлынувшего со склона холма грязевого потока. Вещи даже в рюкзаках промокли так, что их пришлось выжимать перед тем, как вешать сушиться.

Рано утром 12 мая покинули гостеприимный Сан-Лукас и вновь взяли курс к вулканам Акатенанга и Фуэго. Стоят они так близко, что со стороны напоминают двуглавый красавец Эльбрус, только без снежных куполов. Поднялся на них 8 мая, как вы помните, нам помешала операция по спасению тяжело раненого сотрудника национального парка. Автомобиль оставили во дворе того же дома, что и в первый раз. Хозяина Рональдо не было, но его сыновья встретили нас как героев и тут же освободили место под тенистым деревом.

Проходя мимо крыльца, мы с удовлетворением отметили, что подаренный нами выпел Русского географического общества висит на самом видном месте, у входа. Ещё подъезжая к деревне, с тревогой наблюдали, как навстречу нам из-за вздыбленных кряжей выползают разлохмаченные груды облаков. К моменту старта они залили всю окрестность сырым туманом. Сразу резко похолодало.

Первый километр шли по тропке, разделяющей поля кукурузы. Её сажают здесь на расстоянии раза в два больше, чем у нас в России. Труднообъяснимое расточительство при такой острой нехватке земли, но оно, наверняка, имеет своё, неизвестное нам, рациональное объяснение.

Сквозь туман видим копошащихся на наделах крестьян. Заметив нас, они радостно машут руками, желают успешного восхождения.

По мере набора высоты характер леса менялся: на смену субтропическому с лианами, пальмами и непроходимым колючим подлеском пришли разлапистые сосны. Чем выше мы поднимались, тем ниже становились они. Туман густел. Из-за белой мути казалось, что на нас наступают скелеты рукастых чудищ. Вблизи они превращались в обугленные пожаром деревья. Временами “молоко” становилось до того густым, что из поля зрения исчезал даже впереди идущий. Были видны лишь камни под ногами и растущие в беспорядке пучки травы. При каждом шаге они появлялись из ниоткуда, а если обернуться и посмотреть назад – пропадали в никуда. Полный сюрреализм!

Наконец, обливаясь потом, мы пробрили облачный покров, и на нас брызнули лучи стоящего в зените солнца. Стало жарко. Если бы не порывы холодного ветра, нам пришлось бы совсем худо. Деревья и трава исчезли. Одни голые камни, испятнанные мазками лишайника. Подъём из-за возросшей крутизны склона давался всё труднее. Несмотря на ветер, я снял даже безрукавку. Первый купол, усеянный ноздреватой золой и мелкой галькой, походил на прокопчённую лысину великана. Взобравшись на него, расселись на вулкани-

ческие бомбы. Перекусили шоколадками, попили воды. После чего спустились в неглубокий, хорошо выраженный боковой кратер идеально круглой формы.

Проведя традиционные измерения температуры почвы, уровня загазованности и физических размеров кратера, полезли на главный конус, усыпанный исторгнутыми из нутра Земли комьями магмы. Пространство между ними заполнял толстый слой чёрной крупки. Стоило наступить на неё, как она приходила в движение, и если не успеваешь пересечь этот поток скользкими шажками, то “едешь” вместе с ним вниз до тех пор, пока не упруешься в крупную глыбу. А если таковой на пути не окажется, то можешь катиться вниз метров сто, после чего повторять подъём.

Из последних сил, цепляясь за острые кромки застывшей лавы и проворно пересекая сыпуну, пытаюсь догнать наших. Но чем выше, тем тяжелее даётся каждый метр: уже ощутима нехватка кислорода. Останавливаюсь через каждые 10–15 метров. И вот наконец последний шаг! Передо мной открывается громадная воронка, забитая чёрным пеплом и пористыми гранулами. Между комьев лавы сочатся струйки пара. Вокруг них солнышками желтеют пятна серы. Ребята, оседлав вулканические бомбы, уже жуют кто курагу, кто шоколад. Я, глотнув воды, оглядываюсь.

Вершину широко кольцом опоясывали “жирные” облака, проткнутые вдали вулканами пониже. И такая библейская тишина обступала нас, что казалось, будто не существует в мире ничего, кроме этих каменных стражей, парящих над уходящими вдаль белыми бурунами. Пока я предавался созерцанию, отдохнувшие Лёха и Николай побежали наперегонки к противоположному гребню кратера, разведать переход на Акатенанга.

От спуска у меня осталось ощущение, будто он тянулся бесконечно. Шагал и удивлялся: как я утром смог осилить эти затяжные крутяки?! Спускаться и то страшно – того и гляди покатишься кубарем в пропасть! Это изумление было настолько велико, что даже заглушило радость оттого, что всё же сдюжил, дошёл до кратера. Правда, не в первой двойке, как на Пакайя (там я выложился до упора и после этого ещё не восстановился), а замыкающим, но, тем не менее, по гребню кратера потоптался и наряду с флагами России и РГО поднял флаг Башкирии.

16. Шаровые молнии в вулкане

Уже три месяца, как мы в пути, однако результаты медицинского и психологического мониторинга стабильно хорошие. Из заболеваний – одно простудное и радикулит. Из травм – несколько ссадин об острые кромки вулканической породы. Так что расход медикаментов невелик.

Помимо армейского распорядка и полноценного питания помогают переносить нагрузки витамины, которые мы пьём под строгим контролем доктора ежедневно. Начиная с Гватемалы, ещё принимаем и противомаларийные препараты: риск заражения малярией актуален до Боливии включительно.

Думаю, не лишним будет пояснить, как мы поддерживаем связь с Россией. Чтобы отправить в РГО топик или новость, заезжаем в ближайший городок и, поймав на свой ноутбук сеть беспроводного доступа, по-быстрому передаём в Москву заранее приготовленные фотографии с текстами. Если найти открытую сеть не удаётся, подъезжаем к кафе, заказываем на шестерых один чай и получаем пароль для входа в интернет. Для личной переписки используем СМС-сообщения. В зависимости от количества передаваемых знаков они обходятся в 8–12 рублей каждое.

Въехали в самую плотно заселённую страну Центральной Америки – Сальвадор. Горы здесь пониже, зато леса и погуще, и побогаче. Осыпавшись с деревьев плоды покрывают землю местами сплошным ковром. Хозяиственный Коля набрал полный мешок манго, и теперь на привалах мы объедаемся ими. На полянах и в лесу половина растений – это наши комнатные цветы. Живности тоже прибавилось. Когда я углубился в кущи и присел подумать о смысле жизни, меня здорово напугал броненосец. Он затаился в траве, а в решающий момент, недовольно фыркая, побежал прочь, да так шумно, что переполошил стаю ярко раскрашенных попугаев.

Народ в Сальвадоре беднее, чем в Гватемале, но ещё приветливее. Стоит с прохожим поздороваться, как его лицо расплывается в доброй улыбке и,

кажется, начинает светиться изнутри. На улицах стайки школьников: девочки в белых гольфах, клетчатых юбочках, белых сорочках, мальчики в чёрных брюках и светлых рубашках.

Помимо автомобильного транспорта в этой стране много и гужевого, запряженного волами. Что любопытно, колёса у повозок деревянные, без металлических ободков. Часто видим мини-заводики по обжигу кирпича и черепицы: три-четыре печи, поддоны с готовой продукцией под длинным навесом прямо у дороги – покупай и грузись. Удобно!

В Сальвадоре запланировано одно восхождение – на вулкан Сан-Мигель. С трассы его хорошо видно, но, пока пробирались к нему, прилично поплутали: то свернём не туда, то нужный поворот зевнём – указателей-то нет. Ещё проколы замучили – аж четыре за день! Так что к его подножью подъехали только к вечеру.

На ночёвку встали на склоне, покрытом чёрным “керамзитом”. По боковому срезу дороги видно, что его в последний раз насыпало три метра!

Когда разворачивали лагерь, из чащи вышел и направился к нам местный житель, худощавый индеец лет сорока.

– Хуан Мигель, – представился он.

Из его туго набитой заплечной сумки торчали фазаны хвосты. Мы были в недоумении: у человека ни ружья, ни лука, как же он их добыл? В этот момент индеец вскинул рогатку, одновременно растягивая резину на весь размах рук, выстрелил. Поворачиваем головы: метрах в двадцати на земле бьёт крыльями фазан, второй скрылся за макушками деревьев. Оказывается, местные жители охотятся с рогаткой! Правда, она несколько отличается от нашей: вилка узкая с параллельными сторонами, а резина длинная и очень тугая. Стреляют тяжёлой галькой, шарикоподшипниками и даже гайками – все эти боеприпасы лежат на дне “ружейной” сумочки. Я был так восхищён возможностями “древней пращи”, что принялся уговаривать Хуана продать её для моей этнографической коллекции. Когда сделка состоялась, поинтересовался, не продаст ли он и висевшее на поясе в толстом кожаном чехле мачете. Мачете сальвадорских мастеров считаются самыми лучшими в Латинской Америке. Они заменяют местным и топор, и нож, и косу, и газонокосилку.

К моему удивлению, индеец легко согласился. И цена оказалась приемлемой – 10 долларов.

Пока общались, Николай накрыл стол. За трапезой Хуан рассказал, что, когда он был маленьким, из кратера вулкана несколько раз текли огненные реки, а сейчас лишь слегка потряхивает. Тем не менее посоветовал быть наверху осторожнее, потому что из жерла иногда вылетают “красный град” и “горячие лепёшки”.

В тропиках осадки выпадают, как правило, во второй половине дня, поэтому на Сан-Мигель вышли спозаранку. Поначалу поднимались почти вприпрыжку, но примерно через километр лес сменился до того густыми зарослями высокого кустарника, что пробраться сквозь него можно было лишь звериными тропами-тоннелями, и то лишь встав на четвереньки. Одолев их, облегчённо вздохнули. Но рано радовались – через метров пятьдесят путь преградила стена травы высотой в три метра (!). Пробивая сумрачные траншеи (неба не было видно), промокли от обильно выпавшей росы. Наконец и эта полоса препятствий позади. Ура! Основной конус уже совсем рядом! К нему вела узкая, шириной не более полутора метров рыхлая перемычка, разделявшая два боковых кратера. Она состояла из округлых комочков чёрной и красноватой пемзы. То, что она такая узкая, мы не могли разглядеть, так как находились внутри наехавшего на нас облака. И хорошо, что не видели, иначе вряд ли решились бы идти по ней.

Взойдя на скальный выступ, полезли по базальтовым плитам, присыпанным вулканическим пеплом и шлаком туда, где грозно урчало жерло. Текучий шлак то и дело стаскивал вниз, но мы, цепляясь за подворачивающиеся глыбы, упорно продолжали карабкаться вверх. До кромки кратера оставалось совсем немного. Последний рывок – перед нами разверзается огромный провал, завершающийся конусообразной воронкой – жерлом. Из его невидимого истока вылетают клубы пепла, с боковых стен бьют струйки вонючего, желтоватого цвета пара. Отсняв эту жутковатую картину, мы прошли вдоль ребра кратера к месту, где была возможность спуститься по ступенчатым уступам

к базальтовой террасе, опоясывающей кольцом, теряющуюся в дыму, раскалённую утробу напряжённо рокошущего Сан-Мигеля.

Сойдя на неё, осторожно приблизились к краю, покрытому ещё не остывшими вулканическими бомбами: следы ночного выброса. Обдало жаром, густо пахло серой. Тут перед нами что-то неуловимо меняется, и мы видим в дыму четыре – нет, вон и пятый проступил – ярких фиолетово-зелёных тороидальных кольца, каждое с метр в диаметре. От них исходит пульсирующий свет.

Я замешкался, а Костя успел вскинуть фотоаппарат, но в этот момент раздались хлопки, и... кольца разлетелись быстро гаснущими брызгами. Феерическое зрелище! Вроде радоваться надо, а мы чуть не плачем – такой снимок зевнули! Первым вспомнил о цели посещения вулкана неутомимый труженик Николай. Достав свой термощуп, лазерную линейку, он приступил к измерениям. Мы же не сводим глаз с курящегося провала в надежде ещё раз увидеть нечто подобное. Когда Коля завершил стандартный перечень работ, и мы полезли обратно на гребень кратера, всё равно временами оглядываемся – а вдруг?! Выбравшись наверх, Лёха достал две плитки шоколада и разделил на всех.

– Ну, как вам “летающие тарелки”? – спросил командор, отхлёбывая из пластиковой бутылки воду.

– Оптический обман или игра света. Что-то вроде радуги, – рассудительно произнёс Коля.

– Ничего себе радуга! С таким треском разлеталась! – возразил Андрей.

– Эх вы, индейцы! Это разновидность шаровой молнии.

17. Никарагуа, Коста-Рика, Панама

Чем отличается Никарагуа от других стран Центральной Америки? Сразу бросается в глаза более высокий уровень развития аграрного сектора. Плодородные равнины распаханы, засеяны. Гор мало, в основном пологие гряды холмов. На огороженных бесчисленных пастбищах пасутся тучные стада породистых коров и конские табуны. В южной части страны тянутся на десятки километров банановые плантации (и молодые, и плодоносящие).

На высоких, открытых всем ветрам возвышенностях выстроились рядами белокрылые ветряки, вырабатывающие для страны почти дармовую электроэнергию. И вырабатывают, похоже, немало: рядом стоят мощные трансформаторные подстанции.

Городки уютные, чистые. На улицах удивило необычное сочетание видов транспорта: между громадных “Тойот” ползают доверху гружённые одноосные арбы. Если за предыдущие три месяца мы видели всего одну “Ниву” (кажется, в Канаде), то тут за полдня проехали три “Нивы”, две “семёрки”, один “уазик”, новенький курганский автобус (очень даже симпатичный) и, конечно, труженик КамАЗ.

Индейцы здесь преобладают. Их легко отличить от потомков испанцев по более грубым, резким чертам лица и крепкому телосложению. Одеты они все по-европейски. Пока только в Гватемале встречали целые районы, где индейцы ходят в национальных костюмах.

Что ещё бросилось в глаза в Никарагуа? Вдоль дорог много навесов, под которыми в гамаках с отрешённой задумчивостью раскачиваются мужчины (женщинам не до того – они в это время стирают, готовят еду, нянчат малышей). Как нам объяснили, именно в Никарагуа делают лучшие гамаки, а в Сальвадоре самые крепкие мачете. Ну, вот и всё на сегодня. Ребята давно спят, а я при свете налобного фонарика всё тюкаю одним пальцем по клавиатуре ноутбука, лишь временами поглядывая на десятки тысяч светлячков, мечущихся вокруг меня. (Они настолько яркие, что видны метров за пятьсот). Так что буэнос ночес, сеньоры и сеньориты! Вернее, буэнос тардес, – в России-то уже день!

...Побыв на вулкане Масая, мы въехали в Коста-Рику. Вытянутая узкой закорючкой с севера на юг Коста-Рика, пожалуй, самая ухоженная и красивая страна Центральной Америки. Благодаря удачному расположению между двух океанов, с избытком обеспечивающих страну влагой, а также плодородию земли, щедро сдобренной высокоминерализованным пеплом вулканов,

её горы и долины покрыты буйной растительностью, среди которой немало реликтовых видов. Не случайно фильм “Парк юрского периода” снимался именно здесь.

Но понаслаждаться экзотически-пышной красотой этого края нам удалось лишь первые три дня – на четвёртый начался давно ожидавшийся сезон тропических дождей, и мы до глубины самых внутренних органов прочувствовали, что кроется за этим будоражающим воображение россиянина понятием. Солнечный, брызжущий радостью и покоем зелёный рай в одночасье превратился в пропитанный водой хмарь.

Ливни здесь настолько бурные и щедрые, что через 3–5 секунд на тебе не остаётся ни одной сухой нитки. Не ливень, а водопад! Слава богу, что тёплый. Невольно удивляешься – как такая огромная масса воды могла полдня парить над землей. А потом, когда насквозь мокрый летишь на скорости 50 километров в час на велосипеде с горы, дрожишь от холода, а на подъёмах, наоборот, чувствуешь себя так, словно в турецкой бане. Вдобавок ко всему, ущелья нашпигованы влажными лохмотьями вновь вызревающих туч. Так что теперь постоянно дышим водной аэрозолью. Единственный промежуток времени, когда можно отдохнуть от сырости и хоть немного обсохнуть, это утро.

Подъём на самый высокий перевал Центральных Кордильер (3300 метров) чуть не добил нас. Помимо изнуряющей крутизны склона, на этой высоте весьма прохладно, всего 8 градусов. Вдобавок ко всему, пошёл холодный дождь. К вечеру мы до такой степени заоченели, что руки не слушались: палатки целый час ставили. Зато на следующий день за три часа спуска сбросили 2700 метров. Летели вниз на такой скорости, что на серпантине двое ребят не вписались в поворот и, врезавшись в бетонный бордюр, улетели в кусты. К счастью, отделались лишь синяками и царапинами, да на колесах выбило с десятков спиц.

Коста-Рика местами напоминает Швейцарию. Ухоженная, чистая, благополучная. Неудивительно – больше ста лет без войн! А в Гватемале и Никарагуа война завершилась недавно – на исходе XX века. Тут даже по собакам заметно, что страна не бедствует. До этого, начиная с Мексики, на них трудно было без слёз смотреть – до того худые (рёбра ивовыми прутьями выпирают), вялые. В Коста-Рике же все упитанные, бодренькие и хвостами весело помахивают.

Впечатляет и то, как костариканцы берегут свою и без того богатую флору и фауну. Недаром говорят: Коста-Рика – страна заповедников и национальных парков. Под них отведено 25% территории. В мире немало стран, где и этот достойный уважения показатель выше: 30 и даже 40%. У нас, я думаю, он не более 3% (правда, вся Восточная Сибирь практически заповедник).

В непроходимой тропической сельве обитают обезьяны-ревуны, пумы, ягуары, муравьеды, еноты, оцелоты, ленивцы, дикобразы, игуаны, белки. Ну, а от птичьего гама по утрам просто звон стоит. Тут и разномастные стаи попугаев, туканов, и крохотные колибри, и много других, незнакомых нам пернатых. Среди цветов лениво порхает морфа, самая большая бабочка. Индейцы считают, что эти бабочки – лесные боги, охраняющие территорию. Вечерами разом, как будто по чьей-то команде, начинают оглушительно звенеть цикады.

Ночью воздух наполняется мириадами ярко мигающих огоньков-фонариков – светлячков. Их тут так много, что кажется, будто на чёрном бархате тропической ночи мечутся в броуновском движении тысячи созвездий. Возникает иллюзия, будто сам летишь среди звёзд! Но когда такой огонёк вдруг сядет на тебя, то при свете налобного фонарика видишь, что это обычный, зеленоватого цвета жучок.

Приятным сюрпризом было отсутствие кровососов. Вечером изредка кусают москиты, а днём муравьи – и всё. Правда, чешутся эти места потом долго.

Растительность тут такая буйная, что листья папоротника в три-четыре метра длиной, трава в рост человека, а “лопухи” по два метра в диаметре! Может, поэтому так много муравьёв-листогрызов?

Нетронутая природа настолько красива, разнообразна и богата, что от иностранных туристов отбоя нет. Не удивительно, что туриндустрия обеспечивает 85% поступлений в бюджет государства. Основные доходы идут с побе-

режья, но и в горах можно увидеть велосипедистов, мотоциклистов. Немало иностранцев приезжает и в полуторамиллионную столицу – Сан-Хосе. Среди них мы встречали представителей самых разных стран, но в большинстве всё же американская молодёжь. Их сразу видно: джинсы носят настолько низко, что трусы наполовину наружу. Ребята с виду крепкие, спортивные, но когда здороваются, ощущение, будто не мужская ладонь у тебя в руке, а пучок верёвочек. Поскольку я привык жать от души – они, бедняги, аж приседали.

Сан-Хосе не произвёл на меня впечатления, хотя чистенький, благоустроенный, уютный. Не утомляет – нет бестолковой суеты. В то же время хватает и бродяг, и попрошаек.

... Вулканов в Коста-Рике изобилие. Нашу команду интересовали только два, самые знаковые и интересные. Первый, красавец Ареналь, – “молодой” и весьма деятельный стратовулкан (конус идеальной формы возвышается над окрестностями на 1720 метров). В старину индейцы обожествляли его и, чтобы смягчить крутой нрав, приносили многочисленные жертвы. Но в середине XVI века он надолго задремал, и люди, привлечённые плодородием почвы, стали селиться прямо у подножья, а о жертвоприношениях забыли. Проснувшись в 1968 году, он похоронил эти деревни под огнедышащей лавой. С тех пор небольшие извержения происходят практически ежемесячно.

Возле Ареналья расположено одноименное искусственное озеро площадью 80 квадратных километров, являющееся крупнейшим водохранилищем в стране. Оно пользуется огромной популярностью у любителей виндсерфинга всего мира.

Второй вулкан – Поас (2574 метра) – тоже активен. Стоит он в окружении густых, обомшелых от постоянных дождей лесов. Поднявшись на него по оборудованной тропе, мы попытались перейти для съёмки начавшегося извержения на противоположный край кратера, но не сумели пройти сквозь густо перевитые лианами и корявыми стволами дебри и двух метров!

Поас рекордсмен среди американских вулканов по диаметру кратера – полтора километра! В его широком, залитом лавой кратере свинцово поблёскивает горячее кислотное озеро. По соседству с ним из жерла беспрестанно исторгаются шишковатые клубы пара. Они достигают таких размеров, что можно подумать, будто именно здесь находится главная фабрика по “производству” облаков.

Выше основного имеется ещё два спящих кратера. Они поменьше, их склоны уже поросли лесом. На дне самого высокого приютилось изумрудное озеро Ботос. Оно столь красиво, что одним своим видом навеивает покой и радость.

Дороги в Коста-Рике в прекарном состоянии (ещё бы, асфальта не жалуют – укладывают сразу тридцать сантиметров). Одно плохо – узковаты. Из-за обильных и частых дождей полноводных рек и ручьёв с избытком. Соответственно, и мостов много, но они такой ширины, что проехать может только одна машина. Поэтому перед каждым стоит знак, указывающий, у кого преимущество. Деревья, подступающие к дороге с двух сторон, смыкают раскидистые кроны до того плотно, что едешь порой в зелёном тоннеле.

Жажду во время отдыха утоляем обычно соком увесистых, будто чугунные ядра, кокосов. Наловчились сбивать их длинной жердью или метко брошенным камнем. Прочную желтоватого цвета “броню” вскрываем сальвадорским мачете. Тут важно одним точным ударом отсечь верхнюю часть плода так, чтобы образовалось отверстие в полость, заполненную чуть беловатым, всегда прохладным соком, и при этом не отрубить себе палец.

После того как сок выпит, соскребаем ложкой со стенок белую студенистую, весьма питательную массу и с наслаждением поглощаем её. (Сбивать лучше незрелые кокосы – у созревших мякоть жёсткая.) В качестве высококалорийной добавки балуем себя гроздьё бананов, растущих тут же.

Северная часть Коста-Рики заселена плотно. Много шикарных вилл, вокруг них на лугах пасутся породистые скакуны с аккуратно подстриженными гривами. Южная – намного реже. Непрístupные горы и непроходимые леса затрудняют её освоение. Встречается лишь хуторки и небольшие усадьбы у дорог. Удивляет то, что многие дома расположены практически вплотную к проезжей части. При этом двери всегда широко распахнуты и внутренность жилища хорошо просматривается.

Народ в Коста-Рике спокойный, открытый. Возможно, это связано с благоприятным климатом и щедрыми дарами природы. Встречались даже нату-

ральные донкихоты. Так, возле вулкана Ареналь на острых камнях пробило облысевшую покрышку, а следом и запаску – на ней лопнул корд, и тонкая стальная проволока в нескольких местах проткнула камеру. Что делать?

Проезжавший на квадроцикле пожилой костариканец, узнав о нашей беде, развернулся и повез Илью в ближайший городок. Объехав три автомастерские, они всё же нашли покрышки подходящего размера. Доставив Илью к нам, он категорически отказался от денежного вознаграждения.

Когда судьба сталкивает с такими отзывчивыми людьми, невольно спрашиваешь себя: “Как бы ты поступил?”

... Узкий перешеек, остроносой мотыгой вонзившийся в громаду Южноамериканского континента, оканчивается Панамой – последним мини-государством Центральной Америки. По уровню жизни эта страна значительно превосходит все другие государства региона, включая даже весьма благополучный туристический рай – Коста-Рику. Секрет прост: через неё проходит приносящий казне колоссальные доходы Панамский канал, и имеется оффшорная зона, привлекающая в страну крупный капитал. Без этих железобетонных подпорок быть бы Панаме заурядной банановой республикой.

Доходами от канала многие десятилетия пользовались американцы. Но после того, как патриотически настроенные офицеры совершили в Панаме военный переворот, пришедший к власти генерал Торрихос добился от США подписания договора о возвращении канала и примыкающих к нему земель с 1 января 2000 года под юрисдикцию его страны. В результате этого судьбоносного решения Panama за довольно короткий период неузнаваемо преобразилась. Города украсили шедевры современной архитектуры, великолепные бульвары с фонтанами и зонами отдыха. Для малоимущих построены и продолжают строиться десятки благоустроенных посёлков (дома передаются в пользование с рассрочкой оплаты в тридцать лет, при этом первый взнос делает само государство). Пенсионерам на многие услуги предоставляется пятидесятипроцентная скидка, а связанные с ней потери частных компаний компенсируются из бюджета.

То, что страна на подъёме, стало понятно уже на КПП. Здания паспортного и таможенного контроля просторные, светлые. В помещениях кондиционеры, со вкусом подобранная мебель. Даже дезинфекция машин автоматизирована: заезжаешь в камеру, и через пять секунд процедура завершена. Глядя на всё это, понимаешь, насколько велика роль руководителя в экономическом благосостоянии страны. Верно на Руси говорят: “Каков поп, таков и приход”.

Встретила нас Panama безоблачным небом и ярким солнцем. После недели проливных дождей, пропитавших затхлой сыростью всё снаряжение и одежду, это было особенно приятно. Правда, погода баловала недолго. Уже на следующий день с Атлантики налетел тайфун, и всё опять погрузилось в густой туман, сдобренный косыми прядями дождя.

Вулканами эта страна не избалована. В нашем маршрутном задании значится только один – Бару. Он же является самой высокой точкой Панамы – 3475 метров.

Чтобы успеть подняться на кратер до полудня, когда небосвод ещё свободен от туч, мы заночевали прямо у ворот одноимённого национального парка. Купив у охраны разрешение на восхождение, вышли на Бару задолго до рассвета. Первые километры протекторы ботинок “буксовали” по размытой потоками воды тропе, выдирая из неё окатыши. Потом долго поднимались по крутому склону, покрытому стружьями угловатых плит. Взойдя на скалистый утёс, запечатлели на видео, как из-за горизонта проклёвывается и, на глазах наливаясь светом, выплывает пунцовая капля. Во все стороны сразу брызнули живительные лучи. В какое-то неуловимое мгновение светило оторвалось от обугленных зубцов и, на ходу раскаляясь добела, поплыло, пробуждая залитые туманом долины ото сна. Мы старались не отстать от него, и через минут двадцать стояли на самой высокой точке кратера.

Удивительно, сколько гор уже перевидал, а душа и сердце не устают восхищаться их неповторимой, каждый раз новой, красотой. Перевожу взгляд на заросших товарищей. Они тоже потрясены. Илья широко улыбается и вскидывает руки вверх. Мы на вершине! Мы счастливы!

... Дорога от столицы Панамы оказалась довольно спокойной, без резких подъёмов и спусков. Перед городом автострада взлетела на холм, и с него как-то сразу открылся вид на громадный ажурный мост, перекинутый через

залив, в который и выходит Панамский канал. Слева выгнули шеи гусаки портовых кранов, а справа, возле голубоватого острова, на рейде стоят, ожидая очереди, океанские суда. Вода в самом канале грязно-серая, но ближе к выходу в Тихий океан приобретает сочно-бирюзовый цвет. Прямо под нами, под мостом, проплывал ослепительно белый семипалубный лайнер.

Внезапно открывшаяся с моста в проёме между двух лесистых холмов плотная группа белоснежных небоскрёбов Панама-Сити произвела сильнейшее впечатление: наши глаза уже отвыкли от такого множества высоченных бетонных башен.

Въехав в город, мы опять ахнули: нас окружали фешенебельные особняки, зелень, цветы, идеальная чистота. При этом историческая зона не тронута, более того – тщательно отреставрирована. И, что больше всего восхищает, – всё это выросло за какие-то 10 с небольшим лет! Как только в казне появились за счет национализации канала дополнительные доходы, так правительство сразу пустило их в дело: на строительство дорог, жилья, благоустройство. Всё это вызвало колоссальный рост числа новых рабочих мест. Доходы граждан стали расти, люди стали покупать больше товаров, и, как следствие, начали развиваться отрасли, производящие их. Страна стремительно пошла в гору! Никаких резервных фондов и никаких экономических кризисов!

Как вы понимаете, в таком городе в палатке не поночуете. Пришлось сесть в отеле, в шестиместном номере с душем, кухней, бассейном во дворе, компьютером и интернетом. За всё это 80 долларов, то есть 400 рублей с человека. В центре, среди небоскрёбов, это очень даже неплохо. Но объективности ради должен отметить, что все первые этажи в решётках, дворы за колючей проволокой. Видимо, криминал и тут силён.

Днем разберлись по городу: кто продукты подкупить, кто в посольство, кто на встречу с журналистами. Я пошёл искать веломагазин, чтобы приобрести необходимые запчасти – Костя назначил меня главным ремонтником. Иду и попутно щёлкаю на цифровик понравившиеся городские сюжеты. Вдруг наперез мне из здания выходит полицейский и вежливо просит сначала показать паспорт, а потом то, что я сфотографировал. Я повиновался. Просмотрев последние кадры, сержант связался с кем-то по рации, а меня попросил задержаться. Через минуты три подъехал офицер и тоже предложил показать снимки. Убедившись, что белобородый изможденный дедушка, в красных шортах, неопределённой национальности, не моджахед и не иностранный шпион, откозырял и пожелал весёлого времяпрепровождения.

Чем ещё удивила Панама? В целом, народ здесь очень спокойный, я бы даже сказал – флегматичный (видимо, нет повода волноваться). В отличие от других стран Центральной Америки, в Панаме много негров. Но живут они обособленно в негритянских кварталах. Мы их проезжали: грязные улицы, обшарпанные дома...

На следующий день к нам по поручению чрезвычайного и полномочного посла России в Панаме Алексея Александровича Ермакова приехал консул Георгий Павлович Полин – высокий, спортивного телосложения молодой и обаятельный дипломат. Он повёз нас в гости к отцу Александру, настоятелю недавно открывшейся в Панама-Сити православной церкви.

Узнав о масштабах и целях нашей экспедиции, батюшка, тоже молодой человек, с улыбкой, располагающей с первого взгляда, прочитал, стоя перед ликом Христа, охранную молитву за здоровье путешественников, а затем пригласил в дом на чаепитие.

Вскоре подъехали несколько соотечественников, хорошо знающих дороги и вулканы в Колумбии и Эквадоре, в которых нам предстояло серьёзно поработать. В их числе седовласый старший советник посла Валерий Алексеевич Артасов и Алексей Воротников, талантливый, деятельный бизнесмен, регулярно оказывающий церкви щедрую финансовую помощь. Из общения с ними мы почерпнули много полезной и важной для себя информации. Тронутые столь радушным приёмом, прощаясь, оставили для нужд прихода наш автомобиль. Батюшка, даже зная о необходимости ремонта, радовался неожиданному приобретению как ребёнок.

Уезжали из устроенного неустанными трудами отца Александра и матушки Анны духовного центра в приподнятом настроении и с ощущением прикосновения к тёплому свету Отечества. Для меня было приятным сюрпризом то,

что и бабушка и матушка читали мои недавно изданные книги о людях, сильных духом — старообрядцах (романы “Скитники” и “Золото Алдана”). Узнав, что я автор этих произведений, они сердечно благодарили за внимание к Расколу и староверчеству, одному из самых трагических периодов в истории России, круто изменившему вектор её развития.

18. Страна на экваторе

Время летит, словно быстрая птица: уже пятый месяц, как наша команда в пути. Неделю назад пересекли экватор и пылим по дорогам Эквадора уже в Южном полушарии. Любопытно, что контур этой страны, напоминающий сердце, рассечённое двумя внушительными рубцами Западных и Восточных Кордильер, довольно точно повторяет профиль Южноамериканского континента.

Казалось бы, люди хорошо изучили свою планету, тем не менее, Южная Америка по-прежнему остаётся средоточием исторических тайн, загадочных явлений. Это огромный котёл, в котором “варилась” иная история человечества. Возможно, с участием инопланетян или каких-то земных, но неизвестных нам существ. Так, в Колумбии, Перу, Коста-Рике то и дело находят золотые “летающие кораблики”, сделанные в доколумбову эпоху. Отличаясь в деталях, все они имеют горизонтальные крылья и вертикальный киль. Возможно, прообразом им служили реальные летательные аппараты пришельцев с иных планет или представителей исчезнувших допотопных цивилизаций Земли.

Само название Эквадор (на испанском оно означает “экватор”) у меня ещё со школы ассоциировалось с чем-то таинственным. Это представление ещё более усилилось, когда узнал, что инки, спасая свои сокровища от алчущих конкистадоров, увезли их по тайным тропам как раз сюда, на территорию современного Эквадора, и основали среди огнедышащих вулканов царство Эльдorado.

Знакомство с Эквадором началось с его столицы, города Кито, в котором мы провели два полных дня. Он вытянулся на несколько десятков километров по дну широкой впадины между двух хребтов на высоте 2800 метров над уровнем моря. Впадина уже не вмещает его, и город расплзся длинными языками по крутым межгорным распадкам. Самые крайние постройки достают теперь до облаков. Дно котловины весьма холмистое. Если Москва стоит на семи холмах, то Кито, пожалуй, — на всех семидесяти! С высоты птичьего полёта мегаполис напоминает многолапого крокодила, спина которого покрыта бугристым панцирем.

Здесь климат не соответствует названию страны: бодрящие 14 градусов никак не вязались с традиционным представлением об экваторе. Кстати, его линия проходит всего в семнадцать километрах от города и отмечена массивной тридцатиметровой стелой, на которой водружён макет земного шара, опоясанного золотой цепью. Внутри стелы находится музей истории Эквадора, а от западной и восточной стен в обе стороны отходят полосы, символизирующие экватор. Так что здесь можно одной ногой стоять в Северном, а другой в Южном полушариях и наблюдать (правда, почему-то не всегда) интересное явление: вода, сбегая в воронку, в разных полушариях закручивается в разные стороны (в южном — по часовой стрелке, в северном — против). А на самом экваторе сливается без завихрений. Пользуясь этим свойством воды, можно определять линию прохождения экватора с точностью в несколько метров.

Небоскребов, таких как в Панаме, в Кито нет. Но зато сохранилось огромное количество построек колониального периода. Современные дома в основном из стекла и бетона, кубовидные, невысокие — двух-трёхэтажные, с широкими, открытыми террасами. (Может, поэтому Кито и занимает такую большую территорию). Улицы крутые, напоминающие город моей юности — Владивосток, или, как мы его ласково величали, Владик.

Двухэтажный президентский дворец на площади Независимости довольно скромный и по размерам, и по отделке. Вход в него охраняют солдаты в форме гвардейцев XVIII века с красными пиками. Слева от него здание правительства. Тут же на площади отдыхают горожане с детьми: беззаботно прогуливаются, едят мороженое, кормят голубей, а президент страны и министр

ры спокойно работают в пятидесяти метрах от своего народа. По периметру площади расположены также кафедральный собор, магазины, рестораны, музеи. Необычайно красочно выглядит площадь вечером при свете прожекторов и фонарей.

Впечатлила католическая базилика с изящными, ажурными шпилями, vyplненными в неоготическом стиле. Особенно понравились многочисленные витражи. Каждый – это картина библейского содержания, выполненная из кусочков разноцветного стекла.

Но всё же наиболее яркая достопримечательность Кито – гигантская статуя Девы Марии. Она установлена на вершине одного из холмов на постаменте, представляющем собой копию земного шара. Говорят, что это единственная статуя, на которой Мадонна изображена с крыльями. Она держит на цепи змею, извивающуюся у её ног.

Много монастырей. Все они в образцовом состоянии. На дверях келий таблички с именами проживающих в них монахов. При этом, как мне показалось, самих мирян не отнесёшь к числу прилежных прихожан – костёлы во время службы полупустые.

Ещё город богат скверами, парками. В них эквадорцы играют в волейбол, танцуют, слушают игру гитаристов, аккордеонистов, поют или просто лежат на траве. Чувствуется, что горожане любят свою столицу: вокруг домов и на балконах цветы, на улицах идеальная чистота. В каждом районе имеется свой небольшой рынок.

Несмотря на обилие разнообразных исторических, природных и этнографических достопримечательностей в стране, туризм здесь не развит. Даже в старой колониальной части Кито иностранцы – редкость. Отели полупустые, хотя цены вполне доступные. Так, номер на пятерых в хостеле нам обошёлся всего в 36 долларов.

Последние годы у власти стоят левые партии во главе с президентом-социалистом Рафаэлем Корреа, известным своим антиамериканизмом. Страна живёт по разработанной им и его соратниками концепции “Социализм XXI века”. Дай Бог им успехов!

Население, а это в основном малорослые индейцы и метисы (испанцы + индейцы), похоже, не бедствует, что подтверждается средней продолжительностью жизни: у мужчин 72 года, у женщин – 78. Чернокожие жители встречаются, но реже, чем в Панаме. Радует, что население не чурается носить национальную одежду, правда, это по преимуществу люди среднего и старшего возраста (непременная шляпка и большой яркий одноцветный платок на плечах у женщин, и пончо со шляпой и шарфиком на шее у мужчин). Девушки же – в джинсах или брюках в обтяжку, а если в юбках, то в кожаных сапогах с голенищем выше колен. Женщины в этой стране, пожалуй, самые красивые по сравнению с теми, что мы видели с начала экспедиции: фигуристые, с миловидными лицами и выразительными глазами. Каждая вторая – просто красавица. Курящих не встречали. Хочу подчеркнуть, что в Центральной и в Южной Америке курение не приветствуется.

Громадный Кито может гордиться и тем, как грамотно и успешно решена транспортная проблема. Пробок здесь почти нет, хотя машин море. Для скоростных метробусов выделены две специальные полосы, отделённые от дорог общего назначения высоким бордюром. Чтобы не препятствовать движению остального транспорта, эти полосы на перекрёстках уходят под землю. Посадка в метробусы (они похожи на комфортабельные троллейбусы) осуществляется с высоких крытых площадок-павильонов. Практически это метро, только наземное.

Эквадорцы очень отзывчивы. Такой пример: при отправке тёплых вещей из Панамы в город Ушуйай, расположенный на Огненной Земле, я, чтобы максимально облегчить рюкзак, вместе с пуховиком, тёплыми сапогами, шапкой, рукавицами отправил и свой пуховой спальный мешок. Уже первая ночь в Эквадоре показала ошибочность этого решения: здесь хоть и экватор, но совсем не жарко. Чтобы исправить положение, поехал в центр. Выйдя из автобуса, заинтересовался у молодого человека, как найти спортивный магазин. Так юноша, видя, что я не понимаю по-испански, провёл меня прямо до входа в него.

Семьи в Эквадоре, как правило, большие. Родители детей обожают. Малыши спокойные, улыбкивые. Плачущим не видел ни одного.

В Эквадоре мы должны были подняться на два вулкана. Крепко спящий, но зато самый высокий Чимборасо (6310 м) и действующий – Котопахи (5897 м).

Чимборасо хоть и не такой рослый, как гималайские восьмитысячники, зато его вершина удалена от центра Земли дальше, чем у Эвереста (8842 м). Этот парадокс объясняется тем, что наша планета по форме не шар, а сплюснутый у полюсов особой формы эллипсоид – геоид, и имеет наибольший радиус у экватора.

К Котопахи мы отправились на велосипедах, с двухпудовыми рюкзаками на багажниках. Дорога постоянно шла в гору. Это само по себе не сахар, а с тяжеленными рюкзаками на багажниках так и вовсе тяжко. Вдобавок ко всему после полудня начался дождь. На высоте 3000 метров он вдвойне неприятен. Во время отдыха между ходками подкрепляемся бананами. Их продают в деревушках связками весом по 6–7 килограммов всего за 2,5 доллара.

С местом для ночёвки снова проблемы: вдоль дороги по стволам деревьев натянута рядами колючей проволоки. За ней частные наделы самых разных размеров. В конце концов, от безысходности, на свой страх и риск перелезали через ограду и ставим палатки на краю пастбища. Смотрим на альтиметр – высота 3500 метров!

Утром, забравшись на очередной отрог, увидели снежный купол Котопахи. Отсюда красноватая дорога стала ровней. Леса вокруг давно вырублены и горные склоны до высоты 3800–3900 метров покрыты лишь травой. Выше – одни голые камни. Там выживают одни лишайники.

Здесь уже минусовая температура. Дует сильный порывистый ветер, окрестности затянуты тучами. На наше счастье, к вечеру прояснилось. Кругом, куда ни глянь, – дали, дали без конца. Голо и дико кругом. На север и восток дыбятся друг за другом зубчатые цепи. Безжизненная, неприступная горная страна. На западе у горизонта облака, круто взбитые, упругие, с красными боками. Быстро смеркалось. На небосводе вызревали первые звёздочки, но остроконечные пики тлели не угасающими кострами до тех пор пока сгустившаяся тьма ни потушила кровавые сгустки заката. Сразу дохнуло холодом. Помрачневшие склоны смотрели угрюмо, недружелюбно. В тишине всё отчётливей раздавался монотонный крик какой-то птицы. . .

С высоты 5897 метров открывалась ещё более впечатляющая, чем из лагеря, картина: бесконечные гряды хребтов, заполнявшие пространство от горизонта до горизонта, замысловатая вязь ущелий и долин, зажатых между ними, головоломные извивы рек, лохмотья облаков. На юге над тучами грозно возвышается мрачноватый конус Чимборасо. Отсюда хорошо просматривается и впадина, приютившая столицу Эквадора. Над нами бездонный, тёмно-синий колокол со сплящим билом посередине.

(Окончание следует)